

C

C

САЛИСБУРИ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ
ГОСПОДИНА АРНОДА.

Съ Французскаго языка перевелъ
П. . . А. . .

Санктпетербургъ.

Печатана въ Типографіи Б. Л. Гека.
1792 года.

Сія историческая повѣсть, подъ названіемъ: *Салисбури*, напечатана съ дозволенія Управы Благочинія, которую свидѣтельствовалъ и подписалъ 1792 года Февраля 21 дня, Коллежскій Совѣтникъ и отправляющій должность Санктпетербургскаго Полиціймейстера.

Андрей Жандръ.

САЛИСБУРИ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Англїя взяла верьхъ надъ Шотландїею. При Эдуардѣ III. возблистало сїе Государство такъ, что по необходимости обратило на себя взоръ всей Европы. Казалось, что природа согласовалась съ счастїемъ, чтобъ отличить сего Государя отъ прочихъ Монарховъ; казалось, что небо нарочно создало его для занятїя престола; онъ имѣлъ величественный станъ, взглядъ прїятный и привлекательный; благотворительность его изливалась по выбору; зналъ кого награждать, наказывалъ какъ Царь, а не какъ человѣкъ, то есть, что онъ довольно властѣнъ былъ надъ собою презирать оскорбленія его особѣ содѣланныя, и взыскивать только касающїяся до общества. Никогда Государь не соединялъ

въ себѣ толь сіяющихъ качествъ. Эдуарда можно бы было назвать совершеннымъ Государемъ, естьли бы онъ не имѣлъ онаго славолюбія, которое обожатели ложнаго геройства называютъ пружиною великихъ душъ. Сердце его упоенное нѣсколько славою, не внимало еще прелестямъ той страсти, отъ которой малая часть людей можетъ защититься, и которая есть источникъ большей части нашихъ добродѣтелей и пороковъ: младый Эдуардъ не вѣдалъ еще любви. Онъ о томъ только старался, какъ бы возвратить тѣ преимущества, коими злополучный его отецъ упустилъ воспользоваться; горѣлъ желаніемъ покорить сосѣдственную Державу, о исполненіи чего Англія издавна помышляла. Робертъ Брюсъ былъ въ могилѣ, а преемникъ его, хотя и наслѣдовалъ его храбрость, но только что отдалялъ погибель Шотландіи.

Находившіеся въ службѣ Аглинскаго Монарха были мужи достойные своего Государя: Вильгельмъ Монтакъ усмирилъ Дугласовъ, Муреевъ и Домбартовъ; и будучи возведенъ Государемъ

на достоинство Графа Салисбурскаго, ничего болѣе не желалъ какъ продолженія милостей, коими чествовалъ его Монархъ; Эдуардъ излилъ оныя на него: онъ обязалъ одного изъ своихъ Министровъ, Лорда Варукція, отдать дочь свою Графу въ супружество.

Аликса, такъ именовалась оная юная Лади, не казалась еще при Дворѣ: лишенная своей родительницы, которую незапная смерть у нее похитила, жила она въ одной изъ деревень своего отца, и была поручена смотрѣнію нѣкоей родственницы, которая взялась имѣть попеченіе о ея воспитаніи. Аликса была одно изъ тѣхъ сокровищей, коимъ общество едва владѣть достойно; ослѣпляющая естественная красота, невинныя пріятности, кои столь разительны, голосъ которой возбуждаетъ любовь въ сердце, прежде нежели взоры оную произведутъ, прелесть пріятной задумчивости, которая видна была во всѣхъ ея чертахъ, смѣсь безчисленныхъ пріятностей, составляли счастливыя наружности, кои имѣла дочь Варукціева. Но какъ можно изобразить всѣ тѣ совершенства, кои

прекрасная сія особа въ себѣ скрывала. Самомалѣйшія ея дѣйствія означали благороднѣйшую и чувствительнѣйшую душу; кротость ея невоспрещала ей имѣть постоянство превосходящее полъ ея и лѣта; просвѣщенный ея разумъ оказывалъ еще болѣе повиновенія своему родителю. Лордъ былъ нрава грознаго и повелительнаго; и имѣлъ оное мужественное благочестіе древнихъ Агличанъ; не склоненъ былъ къ покорности, хотя и жилъ при Дворѣ, обожалъ своего Государя, не дѣлая себя лстецемъ предъ нимъ, и не отрекся бы пожертвовать ему жизнію своею и имѣніемъ; но честь Варукціи почиталъ выше Эдуарда; по Государѣ и обществѣ, дочь его была то, что онъ наиболѣе любилъ.

Онъ спѣшитъ къ Аликсѣ, возвѣщаетъ ей намѣреніе Монарха, которой требовалъ ее въ супружество Графу Салисбурскому: отецъ не примѣтилъ ея смущенія; увѣренный, что преклонится, возвращается онъ, а дочь его и подлинно рѣшилась повиноваться его велѣніямъ: она не вѣдала другихъ законовъ, кромѣ родитель-

ской воли. Между тѣмъ скрывъ себя далеко отъ взоровъ родственницы своей, она предалась горести, и проливала источники слезъ; инаго свидѣтеля онаго непонятнаго ея смятенїя никого не было, кромѣ Мали, младой особы, счастїе которой не соотвѣтствовало породѣ, и которая была вмѣстѣ воспитана съ Лордовою дочерью. Мали, удивившаяся глубокой печали, въ которой находилась ея прїятельница, спросила ее о причинѣ оной: она получила отвѣтъ, но любопытство ея мало удовлетворившїй. Увы! восклицала Аликса, любезная Мали, я знала благополучїе; вкушала его, обладая своимъ сердцемъ, и пользовалась благоразумною независимостїю, которая не оскорбляла родительской власти. Спокойствїе мое, удовольствїя мои, чувства мои . . . даже слезы мои были въ моей власти; Мали, твоего содружества, горячности Милордовой довольно бы было для благоденствїя моего, а теперь должна я подвергнуться игу супруга, коего незнаю, . . . Сожалѣй о моемъ состоянїи: я оное скрываю отъ моего родителя и отъ родственницы моей; но

предъ тобою оное явно. Колико ты благополучна! колико я тебѣ завидую! тебѣ даютъ надъ собою волю; и не ставятъ препонъ твоимъ желанїямъ.

Мали отъ часу болѣе чудящаяся сему смятенїю, коего не проницала причины, изъяснила своей прїятельницѣ пользу произходящую отъ соединенїя ея съ любимцемъ Эдуардовымъ. Аликса только сими словами ей отвѣтствуетъ: правда что Салисбури имѣетъ честь быть при первѣйшемъ Монархѣ въ Европѣ. Мали, видѣла ли ты когда либо Короля? колико онъ въ самомъ дѣлѣ достоинъ жертвованїй Англїи, почтенїя всего свѣта! какой благородный и величественный видъ! какой важный и пронзительный взоръ! сколь мало имѣетъ онъ нужды въ наружномъ видѣ величества, чтобъ показать свое преимущество! онъ внушаетъ уваженїе . . . любовь. Онъ изъ числа тѣхъ Самодержцевъ, коихъ небо назначило быть нашими законодателями. Я узрѣла его на торжествѣ, на которомъ я съ родственницею моею была, и одного мгновеннаго воззрѣнїя было довольно . . . какъ Принцесса . . .

Аликса смущенная сими словами, замолчала и устыдилась.

Между тѣмъ назначается день брака дочери Лорда Варукція съ Графомъ; онъ торжествованъ былъ въ деревнѣ, и ее будто насильно влекли къ олтарю, гдѣ Гименъ на вѣки подвергъ ее Салисбурію, которой въ послѣдующій же день по своемъ бракосочетаніи, оставилъ свою супругу, и отправился въ походъ съ Графомъ Сюффолкомъ воевать во Фландрію, гдѣ перемѣнное счастіе ихъ задержало.

Мали также послѣдовала за молодою Графинею въ замокъ Салисбуркой. Лишь только сія послѣдняя осталась свободною, то вручила своей пріятельницѣ запечатанной свертокъ, сказавъ: Графиня Салисбурская тебя проситъ сберечь сію вещь, владѣть которою позволено было дочери Милорда Варукція; дорогая моя Мали, не напоминай мнѣ объ оной никогда, и есть ли я буду когда нибудь столь слаба, что потребую ее назадъ, то прошу тебя въ томъ мнѣ отказывать; твоя непоколебимая твердость дока-

жетъ мнѣ твою привязанность; признаюсь, что я не въ состоянїи истребить сей памятникъ, невѣрность моя согласна ли съ моею должностїю; увы! я не думаю, что я противъ оной погрѣшила, не достоинъ ли тотъ нѣкотораго почтенїя, кто умѣетъ сражаться и побѣждать, покрайней мѣрѣ по видимому? Ахъ! естьли бы кто проникнулъ въ сердце, то сколь бы мало добродѣтелей могло противустать строгому взору!

Уже счастїе утомилось благопрїятствовать Графу Салисбурскому; во Фландрїи нашелъ онъ предѣлъ тѣхъ успѣховъ, кои имѣлъ доселѣ въ воинскихъ своихъ предпрїятїяхъ; Сюффолкъ и онъ были побѣждены, и отосланы плѣнными ко Двору Французскому, гдѣ и приняты были съ тѣмъ почтенїемъ, которое великодушные Французы всегда оказываютъ побѣжденнымъ своимъ непрїятелямъ.

Сїя печальная вѣдомость причинила Графинѣ жестокую печаль: тогда то она почувствовала, что соединена съ Салисбурїемъ, и что жена имѣетъ уча-

стіе въ судьбѣ своего супруга; она испытала, что самолюбіе производитъ можетъ быть движенія толико же стремительныя какъ и горячая любовь; она проливала при Мали источники слезъ, которая догадалась, что Графиня чувствовала удовольствіе проливать оныя, и казалось будто она же старается дать волю своей печали. Взоры женщины бываютъ иногда проницательнѣе нашихъ. Мали примѣтила въ безпокойствіяхъ своея пріятельницы, нѣчто болѣе скорби происходящей отъ премѣны счастія, которой конецъ легко предвидѣть было можно. Впрочемъ приводила она себѣ на память нѣкоторыя слова сказанныя Графинею, при врученіи ей свертка; Мали начала подозрѣвать, что дочь Варукціева питаетъ тайную страсть, которую она отъ самой себя скрыть желала: подозрѣнія ея утверждаются; уступивъ наконецъ любопытству, измѣнивъ довѣренности, дружбѣ, честности, и желая можетъ быть сдѣлаться полезною своей пріятельницѣ, слѣдуетъ безразсудному своему изступленію, и распечатываетъ сей врученной ей свертокъ. Первое

представившееся ея взору былъ Королевской портретъ, съ довольно пространнымъ письмомъ, начертаннымъ рукою Аликсы, и которое содержало какъ будто точную дневную записку, въ коей дочь Лорда описывала самомалѣйшія свои чувствованія. Сіе особливое письмо содержало въ себѣ слѣдующее: „Что я чувствую? какія „движенія, гораздо сильнѣйшія всѣхъ „доселѣ мною испытанныхъ, мятутъ „мою душу? не то ли ето что любо„вію именуютъ? и кто возбудилъ во „мнѣ сіи мысли, кои по всему должна „истребить? не слышитъ ли, не ви„дитъ ли кто меня? ахъ! я краснѣю, „я страшусь самое себя вопросить, „прочесть въ моемъ сердце! что! „неужли почувствовала я безумную „страсть къ достопочтенному предмѣ„ту нашихъ жертвованій! неужли я „люблю Монарха, нашего Государя, „Эдуарда! какое признаніе вылетѣло „изъ устъ моихъ! правда ли ето? ко„нечно, я люблю, люблю первѣйшаго „изъ Королей, предостойнѣйшаго любви „изъ смертныхъ; Эдуардъ герой Алик„синъ; увы! онъ только мой Самодер„жецъ! и ктобъ могъ владычество-

,,вать надъ моимъ сердцемъ съ толи-
,,кою властью? коликое ощущаю я
,,удовольствіе представляя себѣ всѣ
,,знаменитыя его дѣйствія, возвѣщаю-
,,щія Англіи наиблистательнѣйшую
,,эпоху Монархіи! Но для чего полагаю
,,я самыя тайныя мои мысли на сей
,,бумагѣ, единой повѣренницѣ и единой
,,пріятельницѣ, принимающей излива-
,,нія моего сердца? не для того ли токмо,
,,мо, чтобъ имѣть предъ собою вѣчный
,,предмѣтъ укоризнъ и памятникъ мо-
,,ея слабости и раскаянія? Да не обма-
,,нываемся; но возъимѣемъ бодрствіе
,,изыскивать въ себѣ истинну; сіе
,,изображеніе собственной моей особы,
,,представляетъ подробность чувства
,,мною изслѣдованнаго, и на которомъ
,,я люблю останавливаться, дабы пи-
,,тать химерическую мою страсть,
,,которую я сама осуждать должна.
,,Колико я безумна! все паки влечетъ
,,меня къ сему портрету, толико для
,,глупаго моего заблужденія драгоцѣн-
,,ному. Да, дражайшій Эдуардъ, да, Мо-
,,нархъ достойный всего нашего удив-
,,ленія, я люблю непрестанно взирать
,,на сіи черты, которыя во внутренно-
,,сти души моей еще живѣе изображены;

„я мысленно тебя зрю, тебѣ говорю, „тебѣ повторяю, что съ восхищені-„емъ приношу клятву въ нѣжной люб-„ви, которая вѣчному предастся заб-„венію; я буду жить, чтобъ только „тебя любить, чтобъ только тебя „обожать въ тайнѣ; я сама себѣ ста-„ну говорить, что сердце мое тебѣ „посвящено; а сего признанія не до-„вольно ли будетъ для моего благопо-„лучія? Никто не будетъ знать пред-„мѣтъ моея привязанности; я буду до-„вольствоваться тѣмъ, что знаю и „чувствую любовь; развѣ не удоволь-„ствіе любить? Но что я пишу! сіе „ничто иное есть, какъ чертежъ совер-„шеннаго опроверженія моего разсудка! „знаю ли я чего хочу и чего желаю? бу-„мага сія служитъ только къ покры-„тію меня стыдомъ; оная есть вѣр-„ное зерцало, въ которомъ я съ уни-„чиженіемъ себя разсматриваю.

Аликса въ семъ мѣстѣ остановилась, а потомъ вторично начала себя испытывать. Для Мали довольно было сего, чтобъ узнать состояніе Графини Салисбурской; она не токмо не раскаялась въ своемъ вѣроломствѣ, но

еще тому радовалась, надѣясь довести Графиню къ открытiю ея тайны, и льстясь, что здравые ея совѣты возвратятъ прiятельницѣ ея покой, которой не въ состоянiи она была обрѣсти собственными своими размышленiями.

Слухъ пронесся, что Аглинскiй Король намѣренъ жениться на дочери Графа Генегавскаго: (*) Графиня Салисбурская не могла сокрыть смущенiя, въ которое повергло ее сiе новое извѣстiе; тогда то задумчивость ея усугубилась; сердце ея имѣло нужду разлиться, а она желала, чтобъ оное излилось въ сердце Мали: въ ту минуту, какъ тайна ея готова была вылетѣть изъ устъ ея, голосъ измѣняетъ ей, и она только что проливаетъ источники слезъ. Вы всегда, сказала ей Мали, слогаете чрезмѣрность вашей

(*) Въ самомъ дѣлѣ Эдуардъ послѣ того женился на Филиппѣ, одной изъ дочерей сего Графа; Изабелла, Родительница Аглинскаго Государя, заключила оный бракъ еще при покойномъ своемъ супругѣ. Сiе бракосочетанiе произходило въ Иоркѣ.

печали на плѣнъ вашего супруга. Ахъ! любезная Графиня, толико ли злосчастенъ жребiй его, какъ вы себѣ воображаете? пребыванiе его при Дворѣ Французскомъ услаждаетъ весьма непрiятство быть въ плѣну. Онъ находитъ можетъ быть въ своей неволѣ прiятности, которыя награждаютъ его за его вольность. Кто можетъ васъ увѣрить въ томъ, чтобъ нѣкая любви достойная Француженка, не вывела у него изъ памяти прекрасную Графиню Салисбурскую, или по меньшей мѣрѣ не учинила его ей невѣрнымъ. „Пусть „онъ мнѣ измѣнилъ, восклицала Алик„са, пусть престалъ меня любить.. „нѣтъ нужды. . . Она далѣе не продолжала. Вы употребляете притворство со мною, говорила съ жаромъ Мали! что! неужли я лишилась вашей ко мнѣ довѣренности! Графиня смотритъ на нее, и усматриваетъ, что ея прiятельница наблюдаетъ ея движенiя съ тѣмъ вниманiемъ, которое даетъ знать, что истинна открылась; Салисбури не знала что дѣлать; Мали бросается къ ногамъ ея: — Напрасно уже. Государыня, вы болѣе притворяетесь, простите упорному моему

желанїю проникнуть тайну, . . . которую вы не въ состоянїи теперь отъ меня скрыть; любезная Аликса, я все вѣдаю. — Какъ! — Да, я знаю, и вижу, что одна только честь привязываетъ васъ къ супругу, котораго вы едва знаете, что прежде еще замужства вашего, находилися вы подъ игомъ страсти, кою нынѣ принуждены побѣждать, и что Эдуардъ... Какое ты произнесла имя? Ну, признаюсь, что я есмь пренесчастнѣйшая и предостойнѣйшая наказанїя женщина въ свѣтѣ: я питаю во глубинѣ души моей огнь, которой давно бы слѣдовало мнѣ потушить, и которому никогда не надлежало бы возженну быть. Ахъ! чего мнѣ хочется? Мали, прїими слезы мои во грудь твою; говори мнѣ, что я безумна, что я супруга виновная.... но какимъ образомъ извѣстилась ты о моей слабости? не промолвилась ли я? ахъ! какъ трудно принуждать себя, когда сердце наполнено любовїю.... сїе слово вырвалось изъ устъ моихъ! Я признаюсь вамъ, отвѣтствовала Мали, что я оскорбила довѣренность, которой вы меня удостоивали... и естьли разумѣете меня, то сохраните отъ стыда

объявить вамъ всю крайность моего проступка. — Что, оной свертокъ.... оной портретъ,.. — Я все видѣла, и согласна въ томъ, что вѣроломство мое не простительно: но я не могла повѣрить, чтобъ одно несчастіе Салисбуріево было причиною вашея печали. Я ваша пріятельница, пріятельница усерднѣйшая, и... я желала бы покрайней мѣрѣ облегчить ваши мученія, естьли не въ силахъ совсемъ васъ изцѣлить отъ оныхъ. Къ чему влечетъ васъ сія несчастная страсть? — Къ смерти, милая моя Мали. Можно ли жить долго, когда снѣдаешься чувствіемъ, принуждающимъ самое себя краснѣть, оскорбляющимъ благопристойность и разсудокъ! скрывай же тщательно сію слабость... которую надѣюсь я преодолѣть... Мали, и такъ уменя есть соперница! Еще ежелибъ Эдуардъ и не женился: но въ объятіяхъ другой... видишь ли до какой степени я заблуждаюсь. Ахъ! поелику тебѣ извѣстна сія сколь нелѣпая столь и наказанія достойная склонность, то не щади своихъ упрековъ, и покажи мнѣ ту бездну, въ которую готовлюсь я себя низвергнуть; говори мнѣ о моей чести,

о моей должности, о Графѣ Салисбурскомъ . . . Онъ мой супругъ, и сїе названїе во всемъ меня обвиняетъ. Что я ему противопоставлю? пусть первая осуждаетъ меня и терзаетъ мои раны моя прїятельница; сїе есть единое средство могущее возвратить мнѣ разсудокъ.

Промолвивши сїи слова, Графиня обняла свою прїятельницу, и продолжала: подай мнѣ тотъ пагубный свертокъ; да отдалю его на вѣки отъ глазъ моихъ, и да не будетъ болѣе на свѣтѣ сего несчастнаго портрета.

Мали вручила и то и другое Графинѣ, которая въ первомъ своемъ жару бросила письмо въ огонь; она вознамѣрилась то же сдѣлать и съ портретомъ: но руки ея не дѣйствуютъ, трепещутъ; она пребываетъ въ недоумѣнїи, и обращаетъ взоръ свой на сїе изображенїе, толико ей милое. — Мали, хорошо ли ты оное разсмотрѣла? какой соборъ прїятностей оно представляетъ! но самъ Эдуардъ не въ примѣръ любви достойнѣе, я его не болѣе одного мгновенїя видѣла, и

послѣ той минуты и съ единаго на него воззрѣнія начертала я сей чертежъ весьма пренижающій подлинникъ! Колико, сказываютъ, великая душа его, превосходитъ сіи наружности столь прелестныя! Онъ великодушенъ, благотворителенъ, самый чувствительнѣйшій изъ человѣковъ; обладаетъ всѣми добродѣтелями, всѣми дарами неба; достоинъ почтенія, увы! сказать ли, любви наинѣжнѣйшей. Ахъ! Мали, Мали, почто судьба не произвела меня на свѣтъ въ такомъ состояніи, чтобъ мнѣ не воспрещалось любить его, обожать его, домогаться его сердца и его руки! Не раздѣленіе его престола составляло бы мое благополучіе!... Или паче сказать, для чего Эдуардъ и я не неизвѣстнаго произхожденія? онъ бы меня любилъ, Мали; и толикобъ былъ мнѣ милъ! я бы съ нимъ сочеталась бракомъ, и мы жили бы въ союзѣ! Ахъ! что въ сокровищахъ и честяхъ? какъ странно все сіе сердцамъ умѣющимъ любиться!... Мали, я не въ силахъ истребить сіе твореніе глупаго моего заблужденія; возложи сей трудъ на себя, и будь непримиримымъ врагомъ моея слабости.

Мали хотѣла портретъ сожечь; но Графиня ее остановила: — Мы не искоренимъ сей памятникъ моей любви, которую я скоро надѣюсь потушить. Да, благодаря великодушной твоей дружбѣ, я ее преодолѣю; но храни сей портретъ съ такимъ условїемъ, что ты мнѣ его никогда не покажешь; я согласна на сїю жертву. Чегожъ добродѣтель болѣе можетъ требовать?

Графиня почувствовала облегченїе отъ тягостнаго своего бремя, какъ прїятельница ея узнала ея страсть, и имѣла право читать въ ея сердце. Хотя Мали опровергала ея склонность, однако Госпожа Салисбури съ удовольствїемъ объ оной говорила, и обѣщая позабыть Эдуарда, повторяла многократно его имя. Колико сердце человѣческое обманывается! Останавливаться на околичностяхъ прїятнаго намъ заблужденїя, значитъ паки впадать въ оное. Ежели мы желаемъ воспользоваться побѣдою, то да не обращаемся на то, что мы сдѣлали, но на то, что остается намъ сдѣлать; страсть, которую опять воспоминаешь, свирѣпствуетъ еще надъ нами,

и что одно токмо забвенїе и время могутъ насъ отъ оной свободить.

Шотландцы казалось что позабыли претерпѣнные свои уроны, а счастїе будто нарочно воскрешало и умножало враговъ Эдуардовыхъ, дабы тѣмъ болѣе подать дѣйствїя его мужеству и блеску его славѣ; всегда будучи нападаемъ и всегда оставаясь побѣдителемъ, онъ леталъ безпрестанно по новымъ завоеванїямъ. Давыдъ Брюсъ имѣлъ врожденную храбрость и не примиримую ненависть отца своего противъ Агличанъ. Онъ сражался, такъ сказать, съ главною склонностїю Эдуардовою. Онъ собралъ знатную армїю, составленную изъ разныхъ войскъ присоединившихся къ его знаменамъ изъ Швецїи, Норвегїи, Данїи, и проч. Сей Государь вступилъ въ Нортумберландїю, грабилъ тамъ по всюду, и означалъ слѣды свои огнемъ и кровїю, взялъ приступомъ Дургамъ, и напослѣдокъ расположился станомъ поблизости замка Салисбурскаго. Тревога разпространилась по всему сему мѣсту, которое казалось быть посвящено только заботамъ любви. Тогда

то Графиня явила великую свою душу, соразмѣрную красотѣ своей; она собрала своихъ вазаловъ, просила ихъ употребить всѣ усилія къ выдержанію угрожаемой имъ осады, предводительствуя сама воинами. Уже не богиню Грацій она представляла: но воюющее божество, оживляющее воинскимъ своимъ духомъ все, что оное ни окружаетъ. Она переодѣлась въ воинскую одежду; шлемъ украшенный бѣлыми перьями блисталъ на ея главѣ. Мали не выходила изъ своего изумленія; она сомнѣвалась въ томъ, чтобъ Ироиня, приводящая ее въ удивленіе, была та любви достойная Графиня Салисбурская, которая не задолго предъ тѣмъ предавалась всѣмъ томленіямъ несчастныя любви.

То, что Графиня предъусмотрѣла, исполнилось; Давыдъ блокировалъ замокъ, и готовился онымъ овладѣть. Госпожа Салисбури послала къ Эдуарду просить помощи; сей Государь былъ тогда въ Барвичѣ. Посланные ею встрѣтили на пути своемъ часть непріятельскаго войска, которая похитила было нѣсколько скота; первые

обратили въ бѣгство Шотландцевъ, которыхъ гордость заставила смѣяться надъ Госпожею Салисбури; они даже нѣкоторыхъ изъ нихъ ранили, говоря имъ, чтобъ они донесли своему Королю, что и женщина въ состоянiи побѣждать такихъ воиновъ.

Графиня дѣйствительно оказала мужество и искуство, котораго до сего времени мало было примѣровъ; она присутствовала при всѣхъ приступахъ, и ободряла свое войско, представляя себя образцемъ. Давыдъ Брюсъ или опасаясь опровергнуть свою славу, чтобъ не быть побѣжденну женщиною, или не хотѣвъ ожидать приближавшагося поспѣшно Эдуарда, оставилъ незапно осаду. Графиня извѣстившись о его отступленiи, выступила изъ замка, и напала съ стремленiемъ на заднюю часть Шотландской армiи, успѣхъ вѣнчаетъ счастливую ея отвагу, и она имѣла даже славу отнять у непрiятеля нѣсколько штандартовъ.

Она возвратилась со всею честiю послѣдующею за побѣдою; тьма наро-

ду шло за нею, а воздухъ наполнялся радостными восклицанїями. Иные подносили ей вѣнцы изъ цвѣтовъ сплѣтенные, а другїе вѣтьви лавровыя. Ежелибъ сїе приключенїе случилось въ баснословныя времена, то не приминули бы Госпожу Салисбури почесть за Венеру, надѣвшую на себя латы и оружїе Паллады. Какое же зрѣлище для молодаго и пылающаго жаромъ къ сраженїямъ Героя! въ ономъ то блистательномъ видѣ предстаетъ Графиня взору Короля Аглинскаго. Онъ летѣлъ къ ней на помощь; и сколь скоро она его увидѣла, то приказала своимъ оруженосцамъ преклонить плоды ея побѣды къ ногамъ Эдуардовымъ. Государь, говорила она ему, я повергаю къ стопамъ вашимъ слабые памятники славы, коею я вамъ обязана: извѣстїе о вашемъ прибытїи поразило ужасомъ враговъ нашихъ, и единому только слуху вашего имени должна я отнятїемъ сихъ знаменъ; удостойте оныя принять, Государь, какъ такую жертву, которой рѣдкость можетъ назначить нѣкоторую цѣну. Не прилично мнѣ подражать вашему мужеству; я должна быть довольна, что оное торжествую.

Сїи очаровательнымъ голосомъ произнесенныя слова, привели Эдуарда въ смущенїе, котораго причину не могъ онъ постигнуть. Государыня моя, сказалъ съ восхищенїемъ Монархъ, единое слово изъ устъ вашихъ полагаетъ предѣлъ похваламъ, и это самая лестнѣйшая награда, какой желать можно. Я понесу сїи знамена на стѣны замка Салисбурскаго, и да пребудутъ онѣ тамъ на вѣки доказательствомъ побѣды одержанной красотою. Король договаривалъ послѣднїя слова съ такимъ смятенїемъ, что, казалось, чувства ему измѣняли; прекрасная Графиня Салисбурская одержала въ сей день болѣе, нежели одну побѣду.

Графиня зардѣвшись, ведетъ своего Государя въ замокъ, окруженнаго своими придворными, и провожаемаго корпусомъ его армїи. Эдуардъ постановляетъ своеручно знамена на главнѣйшихъ воротахъ Салисбурскихъ, и приказываетъ положить въ низу сихъ трофѣевъ свой мечь и щитъ, съ симъ девизомъ: *Всякъ долженъ предъ нею положить свое оружїе.*

Госпожа Салисбури употребила остальныя минуты на приготовленїе торжества, которое бы могло быть прїятно Монарху. Онъ препровелъ въ семъ мѣстѣ нѣсколько дней, въ которомъ легко позабылъ Дворъ и сраженїя. Графиня дѣлала нѣкоторой родъ карусели, при чемъ сама резпредѣляла дарами, и имѣла удовольствїе вѣнчать побѣдителя такого человѣка, котораго начинала уже болѣе опасаться.

Удалившись въ свои комнаты съ любезною своею Мали, она освобождается отъ того принужденїя, которое едва сносить могла; — Наконецъ могу я открыть душу свою взору дружбы. Мали, сей то есть тотъ герой, котораго единое присутствїе внушило въ меня страсть, и которую принуждена я отвергнуть. Увы! нѣжная моя прїятельница, какъ опасно его видѣть и слышать! по что прибылъ онъ въ сїи мѣста? пусть оставитъ ихъ, пусть удалится навсегда отсюда! Мали. . . но сердце мое всюду за нимъ послѣдуетъ. . . противъ воли моей, измѣняю я должности моей, супругу моему и самой себѣ: я все позабываю.

Несчастная! и признаюсь. . . ето не есть уже слабость, но заблужденїе и порокъ. Мали, воспротився приращенїю сего посрамляющаго меня пламени; нынѣ имѣю я нужду во всемъ твоемъ разсудкѣ; чтожъ касается до меня, я онаго болѣе не имѣю: по крайней мѣрѣ да сохраню славу мою въ глазахъ Эдуардовыхъ! и пусть одна ты будешь знать, что я есмь преслабѣйшая изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. . . Не обманулась ли я? кажется, что Король не съ хладнокровїемъ на меня смотрѣлъ; скрывать ли мнѣ отъ него на всегда то, отъ чего честь моя зависитъ? неужли пожелала бы я нравиться моему Самодержцу, или кому другому, кромѣ Салисбурїя! Нѣтъ, прїятельница моя, ты не довольно еще порицала толь несчастное мое ослѣпленїе; ахъ! естьлибъ Король могъ уѣхать такъ, чтобъ я непринуждена была его видѣть! и естьли бы мнѣ никогда его не видѣть! подлинно ли я сего желаю?

Каждое мгновенїе отъ часу болѣе растворяло рану сердца, требующаго совѣтовъ, и которымъ трудно было

ему слѣдовать. Но сколь сильнѣйшимъ еще восторгамъ подверженъ былъ Эдуардъ! онъ былъ молодъ, былъ Король, и Король покрытый славою, которой слухъ прославлялъ уже сіяющія его дѣйствія. Все сіе принуждало изъясниться. Видъ Госпожи Салисбури произвелъ въ немъ неизвѣстное ему доселѣ пламя, и которое не властѣнъ уже онъ былъ потушить. Вильгельмъ Труссель, (*) изъ числа тѣхъ гнус-

(*) Онъ то избранъ былъ Агличанами объявить Эдуарду II. имянемъ народа, что подданные его не связаны болѣе тою присягою, которую они ему дали, и принять отъ него письменное отреченіе отъ престола. Сей достойный исполнитель ярости стороны взявшей верьхъ, былъ столь дерзокъ, или паче сказать подлъ, что отважился надругаться надъ своимъ Самодержцомъ. Безчеловѣчіе простерто было надъ злополучнымъ Эдуардомъ даже до того, что заставили его брить на чистомъ полѣ холодною водою почерпнутою изъ грязнаго рва (такъ пишетъ Рапинъ де Тоарасъ). Сей несчастный Государь отвѣтствовалъ своимъ гонителямъ на таковый не пристойный съ нимъ поступокъ сими словами. „Чтобъ вы ни дѣлали, но не можете воспрепятствовать мнѣ послѣдовать старин-

ныхъ придворныхъ, которыхъ угожденіе и нискосердіе приводятъ въ милость, пользовался довѣренностію своего Государя; низверженіе съ престола злосчастнаго Эдуарда II, было отъ части дѣло рукъ его. Король, по таковомъ несчастіи, которому подвержены бываютъ иногда Владѣльцы, не вѣдалъ преступленій Труссельевыхъ; онъ горѣлъ желаніемъ увидѣться со своимъ любимцемъ. Труссель, говорилъ онъ ему, свершилось уже, нечувствительный Эдуардъ лишился всей своей гордости; теперь Графинѣ Салисбурской прилично оную имѣть: она не возвратно меня побѣдила! Что! неужли я вздыхаю и пылаю огнемъ, которой безъ сомнѣнія славу мою оскорбляетъ! Труссель, Эдуардъ влюбленъ! а какой же предмѣтъ меня обуздалъ? супруга любезнаго мнѣ человѣка,

---

„ному обычаю, употребить теплую воду „къ бритью,„ и въ самое то время, продолжаетъ историкъ, два ручья слезъ полились изъ глазъ его. Какой примѣръ игралищь немилосердаго счастія? и не довольно ли сіе доказываетъ, что человѣкъ, когда онъ уничижается, есть самое свирѣпое и звѣрообразное бытіе изъ всѣхъ бытій!

которому я имя друга моего далъ, которой едва жизни за меня не лишился, и котораго рокъ гонитъ, потому что онъ лишенъ вольности. . . Графиня Салисбури никогда не узнаетъ о той власти, которую похитила она надъ моею душею. Неужли я возло употреблю мое могущество, и оскорблю добродѣтель! Графъ есть мой подданный, и мнѣ должно его защищать. Вы Монархъ, прервалъ хитрый Царедворецъ, и не уже ли остановятъ васъ какія либо препятствія! И развѣ мните, что Графиня не польстилась бы, что родила въ васъ страсть, которую бы она стала стараться удовлетворить? Небо вручило вамъ скипетръ, чтобъ располагать законами по своему соизволенію: Государь, ваше дѣло есть царствовать, а власть должна быть безпредѣльна. — Труссель, а развѣ ты думаешь, что небо и добродѣтель не есть превыше Царей? Не имѣю ли я во глубинѣ моего сердца гласа главнаго моего повелителя, главнаго моего судьи, которой ко мнѣ вопіетъ, что во зло употреблять власть есть наивеличайшій порокъ въ Самодержцахъ? Сверьхъ того

я и измѣню всему, ежели буду стараться прельщать жену Графа Салисбурскаго. И такъ обуздайте ваши желанїя, подхватилъ съ жаромъ Труссель; поработитесь игу предразсужденїй, какъ послѣднїй изъ вашихъ подданныхъ. И какїя же бы корона имѣла преимущества, если бы вы подвергнули себя рабству, которое черни токмо приличествуетъ? Любите, Государь, смѣло объявите любовь вашу, и будьте увѣрены, что благосклонно выслушаютъ такого Государя, которой и безъ престольнаго блеска внушилъ чувствованїя, кои само величество его требуетъ обнажить.

Поелику Труссель говорилъ въ угожденїе страсти Эдуардовой: то не возможно было, чтобъ Монархъ не склонился его слушать. Согласился сей Государь написать къ Графинѣ письмо съ тѣмъ, чтобъ наперстникъ его взялся ее упредить и вручить оное. Эдуардъ начерталъ письмо наипламенительнѣйшимъ образомъ: онъ изобразилъ свою любовь какъ любовникъ требующїй любви взаимной, Самодержецъ же являлся въ немъ занятый че-

ловѣческими страстями. Эдуардъ дѣйствительно помышлялъ о завоеванiи самой прекраснѣйшей особы въ Англiи. Придворный требуетъ свиданiя съ Госпожею Салисбури, въ чемъ ему не отказали. Онъ употребляетъ въ разговорѣ своемъ все проворство разума, посвященнаго коварствамъ дворовъ; и наконецъ представляетъ Графинѣ Королевское письмо. Тогда то любочестiе сражалось въ молчанiи, но сила мудраго и непорочнаго поведенiя защищаютъ сiю геройческую душу отъ приступовъ развращеннаго придворнаго, и собственной ея слабости. Съ какими глазами, говорила она ему, осмѣливаешся ты увѣдомлять меня о страсти, о которой самъ Король стыдиться мнѣ говорить? Труссель, совершенно ли ты знаешь дочь Милорда Варукцiя? знаешь ли, что я связана священными узами, и что Графъ Салисбурской мой супругъ? Эдуардъ есть нашъ Государь, и я опредѣлена почитать его и ему повиноваться: но онъ не пожелаетъ меня обезчестить; нѣтъ, не похощетъ онъ причинить незагладимое пятно достойному служителю, которой только и дышетъ, чтобъ

проливать до послѣдней капли кровь свою за Государя своего и за свое отечество.

Полившїяся изъ глазъ ручьями слезы воспрепятствовали Графинѣ продолжать. Вы рыдаете, воскликнулъ Эдуардъ, незапно явясь, и подходя къ ней съ успѣшностїю! ахъ! прекрасная Салисбури, прости наглости не обузданной любви; вы рыдаете! а я виновникъ сихъ слезъ! Развѣ Труссель оскорбилъ васъ, сказавъ, что вы есть первѣйшая красавица въ Англїи, и что вы лучшей участи достойны? И развѣ нельзя объявить вамъ силу вашихъ прелестей не раздражая васъ? Ахъ! Государыня, разсуди, что Король вашъ, Эдуардъ, упадаетъ къ ногамъ вашимъ.

И въ самомъ дѣлѣ Монархъ не докончивши еще словъ сихъ, находился у ногъ Графини; она спѣшила его поднять: — Государь, что вы дѣлаете? я памятую вашъ санъ; а вы оный позабываете. Не Государю ли моему надлежитъ защищать жену Лорда Салисбури отъ всего того, чтобъ могло вредить честь ея? Ежели бъ я не была

за мужемъ, (*) и была свободна; и если бы небо произвело меня на свѣтъ вамъ равною. . . позвольте, чтобъ я удалилась, и простите, если на вѣки отрекаюсь васъ видѣть.

В

(*) Не непріятно будетъ читателю, видѣть здѣсь разговоръ Эдуарда и Графини Салисбургской, представленной съ тѣмъ простосердечіемъ Галлійскимъ, которое составляло прелесть древнихъ нашихъ писателей. „Никогда не видывалъ я, *сказалъ Король „госпожѣ Салисбури*, столь благородной, „столь доброй и столь прекрасной жен„щины. Пріятный видъ, здравый разсу„докъ, великое благородство и красота „мною въ васъ обрѣтенныя, столь меня плѣ„нили, что я васъ полюбилъ; и что ни „какой отказъ не можетъ меня отъ того „отвлечь. Любезный Государь, *отвѣтство„вала Графиня*, не издѣвайтесь надо мною, „и не искушайте меня. Я не повѣрю, чтобъ „вы ето вправду говорили, ни чтобъ столь „благородной и столь снисходительной Го„сударь, какъ вы, вздумали обезчестить „меня и моего мужа, которой столь храб„рой воинъ, которой столь много вамъ ус„лугъ оказалъ, и которой содержится еще „за васъ въ полону. (*Король усугублялъ*

Эдуардъ хотѣлъ слѣдовать за Графинею; — Я не думаю, Государь, чтобъ вы ополчились высочайшею властїю? Вы будучи толь великимъ, толь великодушнымъ, примѣромъ Самодержцевъ, неужли восхотите прїобрѣсти то силою, что любовь не можетъ вамъ дать? Требуйте отъ меня жертвъ почтенїя, благодарности, удивленїя; все сїе безъ изъятїя вамъ посвящено; но чтобъ ожидать отъ меня самомалѣйшаго соотвѣтствованїя, которое бы противно было моей и вашей славѣ? единое помышленїе о томъ скорбительно. . . Ежели я достойна вашего почтенїя, то удостойте, Государь, побѣдить себя такъ, какъ вы побѣждаете враговъ вашихъ. Я молю Бога о благополучїи вашемъ, о продолженїи царствованїя, которое будетъ изъ числа славнѣйшихъ въ нашей Монархїи: я согласна въ томъ съ моимъ сердцемъ. . .

„*свои старанїя*) Любезный Государь, да „благоволитъ всевышнїй Богоотецъ управ„лять вами и отвращать худыя помышле„нїя; ибо я какъ есмь, такъ и пребуду „готовою служить вашей и моей чести, „и проч.

и вы имѣете всѣ чувствованія онаго, кромѣ чувствованій любви.... Кто? я! возможно ли мнѣ васъ любить! Государь, я вамъ повторяю: я супруга Графа Салисбурскаго; чтожъ, по сихъ словахъ, осталось мнѣ сказать Вашему Величеству?... приговоръ обѣимъ намъ произнесенъ.

Госпожа Салисбури, по изреченіи сихъ словъ, скоропостижно удалилась отъ Монарха, и заперлась въ своихъ комнатахъ. Эдуардъ пришедши въ отчаяніе отъ малаго успѣха своего предпріятія, втуне требовалъ видѣть Графиню: онъ не могъ того получить; и уѣхалъ ставши добычею многоразличныхъ восторговъ. Иногда укорялъ онъ себя излишнею умѣренностію, и намѣренъ былъ говорить какъ Государь; а иногда хотѣлъ являться еще нѣжнѣйшимъ, и ожидать побѣды только отъ своея любви и времени, которая уже дороже для него становилась, нежели завоеваніе всей Шотландіи. Труссель подкрѣплялъ сей жаръ раздраженный упорствомъ. Эдуардъ не обыкъ уступать; однако рѣшился не употреблять власти, и поспѣшалъ въ Лондонъ

съ исполненнымъ страсти сердцемъ, предмѣтъ которой опасался онъ оскорбить.

О! сколь бы Король отмстилъ за всѣ свои страданія, если бы онъ находился на мѣстѣ Мали! сердце Госпожи Салисбури открыто было ей совершенно. Она преодолѣла себя оставить Эдуарда, и наложила на себя родъ закона, чтобъ вѣчно его болѣе не видѣть: но едва взошла въ свои комнаты, какъ сїя твердость ее оставила: — Мали, воображала ли ты, чтобъ чувства мои раздѣляли! я любима; я любима Эдуардомъ; онъ мнѣ въ томъ признался, и я не измѣнила тому . . . чемъ я должна быть. . . но чемъ не есмь. Нѣтъ, Мали, нѣтъ, сердце мое уже мнѣ не подвластно; о! Боже! какъ трудно сопротивляться тогда, когда творецъ нашего заблужденїя намъ столь милъ! Однако я его болѣе не увижу, я его болѣе не увижу.... я не мѣнѣе виновна въ томъ противъ моего мужа Ахъ! могули я оправдать сама себя? Мали, извлеки изъ сердца моего стрѣлу меня уязвляющую. Гдѣ мой супругъ! да возвратиться онъ, да

поспѣшитъ ко мнѣ! Увы! возможноли мнѣ будетъ снести присутствїе его, когда въ сердце моемъ. . . я преоборю, истреблю сїю жестокую страсть, которая кажется родилась со мною. Не говори мнѣ никогда о Королѣ; не произноси вѣчно предо мною имя Эдуарда; Эдуардъ есть мой врагъ; Эдуардъ есть виновникъ моего злополучїя, моего стыда; Эдуардъ. . . . ахъ! Мали, Мали, я чувствую, что его обожаю, что изтаеваю отъ сей любви, какъ бы она ни оскорбительна была для моей чести и чести Графа Салисбурскаго. . . . я ему во всемъ признаюсь, онъ меня накажетъ, и изторгнетъ жизнь мою! . . . По крайней мѣрѣ я крѣпко могу надѣятся, что Эдуардъ никогда не узнаетъ о той власти, какую имѣетъ онъ надъ моимъ разсудкомъ, и надъ всѣми моими склонностями; я въ послѣднїй разъ его видѣла, и въ послѣднїй разъ говорю съ тобою о сожалѣнїи достойномъ моемъ состоянїи. Любезная моя Мали, достойная и единая прїятельница, которую небо оставило для моего утѣшенїя: прими слезы мои и жизнь мою; да умру въ твоихъ обьятїяхъ!

Выговоривши сїи слова, Графиня повергласъ въ обьятїя Мали. Она получила письмо отъ своего супруга: — Графъ возвращается! онъ подкрѣпитъ мою слабость! прибытїе его воспрепятствуетъ эдуарду, и мнѣ, предаваться склонности, которую мы оба должны потушить.

Милордъ Варукци прїѣхалъ повидаться съ своею дочерью, и спрашивалъ ее о причинѣ глубокаго ея унынїя, въ которомъ нашелъ ее погруженную: она не смѣла ему отвѣчать, и употребить хитрость. — Аликса, супругъ твой скоро возвратится; Французскїй Дворъ отпускаетъ его на его слово; и такъ престань безпокоиться о его судьбинѣ. Есть ли онъ претерпѣлъ какїя несчастїя, то оныя довольно заглажены: онъ услужилъ Англїи медїацїею, которая искуству его въ политикѣ не малую честь приноситъ; славы есть многїя источники для людей знающихъ истинную цѣну оной: ты чрезъ короткое время узришь Графа. Не покажи же ему, дочь моя, оной скорби, которая уменшила бы ту радость, которую сталъ бы онъ вкушать обрѣтшись между своею фамилїею и своихъ друзей.

О коль виновнѣйшую почитала себя Графиня, услышавъ, что родитель ея приписываетъ печаль ея отсутствію ея супруга! О родитель мой, вопіяла она, уединившись, я и тебя обманываю! коликія погрѣшности влечетъ за собою безразсудная страсть! Я измѣняю всему, что меня ни окружаетъ. Оскорбляю довѣренность, дружбу, любовь родительскую! и самое себя болѣе не познаю. Какъ же осмѣлюсь я показаться на глаза Графа Салисбурскаго! несчастіе мое, преступленіе мое, не ясноли изображены на челѣ моемъ! сердце мое уже слишкомъ наполнено сею любовію, чтобъ оная немогла обнаружится: супругъ мой, и весь свѣтъ узнаютъ, что я снѣдаема огнемъ, которой только меня несчастною и презрѣнія достойною содѣлывать можетъ.

Эдуардъ, возвратившись въ свою столицу, окруженный блескомъ величества и всякими веселіями, не могъ забыть Графини Салисбурской; она ему представлялась вездѣ, куда взоры его ни обращались; сердце его безпрестанно стремилось къ ней; онъ испыталъ, что самодержавная власть не доста-

точна къ душевному спокойствїю, и что она имѣетъ другїя нужды, кромѣ честолюбїя. Вотще Царедворцы, а паче Труссель, старались вымышлять забавы: оныя не въ состоянїи были исторгнуть Монарха изъ глубокой печали его пожиравшей. Всѣ сїи увеселенїя, всѣ сїи роскоши, которые только умножали его скуку, не въ состоянїи были вывести изъ памяти его ни единой черты лица Графини. Единый взоръ сей прелестной Графини привелъ бы Эдуарда въ восхищенїе.

Милордъ Варукци взошелъ нѣкоторымъ утромъ въ комнату своей дочери: — Я получилъ письма отъ Короля: онъ пишетъ, что твоего мужа съ часу на часъ въ Лондонъ ожидаютъ, и онъ приказываетъ мнѣ, чтобъ тебя туда привезти. Сїи слова поразили Графиню; она сдѣлалась неподвижною, и старалась скрыть свое смущенїе, начавъ говорить: — Король призываетъ меня ко Двору? — Ты тамъ будешь ожидать Лорда Салисбури. — Ахъ! родитель мой, развѣ супругъ мой не прїѣдетъ въ сїи мѣста? Для чего исторгать меня изъ сего убѣжи-

ща? — Дочь моя, самомалѣйшая воля Самодержцевъ содержитъ высокія повелѣнія. Государь нашъ оказываетъ тебѣ знакъ своей милости: ты должна отвѣтствовать на оную съ вящшимъ усердіемъ. — Милордъ, ежелибъ вы вѣдали.... сколь странною покажусь я въ семъ новомъ для меня жилищѣ, въ которое вы меня везти хотите. Нѣтъ ли какихъ опасностей для особы моего пола быть при Дворѣ? — Твое благоразуміе, воспитаніе тобою полученное, примѣры добродѣтели, почерпнутые тобою въ нѣдрѣ твоей фамиліи: Аликса, не довольно ли сихъ порукъ къ предъувѣренію меня, что ты въ состояніи будешь воспротивится прелестямъ, которыя моглибъ тебя ослѣпить. Еще повторяю тебѣ, дочь моя, что отецъ твой и Король твой сего требуютъ: и такъ ты должна ѣхать со мною въ Лондонъ.

Графиня поверглась къ ногамъ Варукція, и хотѣла открыть ему признаніе Монарха, и повѣдать о собственной своей слабости; но нѣкій Лордъ изъ знакомцевъ ея отца пришелъ нечаянно съ прозьбою о нѣкоторомъ важномъ

дѣлѣ; Графиня ихъ оставила, и пошла со слезами къ своей прїятельницѣ: — Ты не будешь уже имѣть причины меня упрекать, Мали; похвали преславную мою побѣду: родитель мой получилъ отъ Короля повелѣнїе, чтобъ привезти меня ко Двору, и чтобъ мнѣ быть тамъ, какъ Графъ туда прїѣдетъ. Повѣришь ли ты? я преодолѣла себя; и обуздала драгоцѣннѣйшее свое желанїе. Зрѣть Эдуарда! развѣ сїе удовольствїе есть какое преступленїе? неужли добродѣтель возбраняетъ имѣть и сїе слабое удовольствїе за все то, что она намъ запрещаетъ? Присутствїе Короля, единый взоръ его, облегчилъ бы внутреннїя мои мученїя; сїе слабое удовлетворенїе не моглобъ оскорбить должности, которая, безъ сомнѣнїя, слишкомъ строга; и сердце мое ни чего бы не стало чувствовать... Ахъ, любезная моя прїятельница, я заблуждаюсь, я и тебя и себя обманываю, и развѣ душа моя необольщена была счастїемъ зрѣть великаго Государя... Я любима... не бойся ничего, я въ состоянїи буду воспротивиться моему родителю и собственнымъ моимъ желанїямъ; я не поѣду въ Лондонъ; а ос-

тануся въ семъ жилищѣ. . . . я не могу болѣе сопротивляться толикимъ обуреванiямъ. Мали, я готова была все открыть Милорду; но пришествiе одного его прiятеля изторгнуло меня изъ сей жестокой крайности; и такъ вѣдай ты одна о всѣхъ терзанiяхъ моего сердца; мнѣ нужно, чтобъ дружба меня подкрѣпляла. Любовь, что я изрекла, причиняетъ мнѣ довольно страданiй! Вспомоществуй мнѣ твоими совѣтами и твоею твердостiю, я ее преодолѣю. Ахъ! какъ я страшусь взора Салисбурiева! о! какъ трудно сердцу любящему добродѣтель, учинившись ему невѣрною, не измѣниться! Сколь благополучны тѣ, которые не удаляются отъ должностей своихъ! но я лишилась сего блаженства! и вѣкъ уже не вкушать мнѣ онаго!

Варукци приготовлялся къ отъѣзду въ Лондонъ. Графиня рѣшилась по совѣту своей прiятельницы хранить молчанiе, и не казаться Монарху, подъ предлогомъ нездравiя. Отецъ ея поѣхалъ, накрѣпко ей приказывая, чтобъ прiѣзжала ко Двору, сколь скоро

припадокъ ея минуется; дочь его смотрѣла на отъѣздъ его съ нѣкоторымъ прискорбїемъ, и встрѣчались такїя минуты, что она жаловалась на излишнюю строгость своей мудрости. Она вопрошала себя о томъ, чего ей хочется, и о томъ, что хочетъ отвергнуть; она желала сохранить свою добродѣтель, и оплакивала свою жертву. Графиня Салисбури обожала Эдуарда, и чувствовала все изступленїе своего заблужденїя: какая жалостная участь! и сколь вѣрное изображенїе обрѣтутъ женщины въ сей картинѣ своего состоянїя!

Сего не довольно было, что Госпожа Салисбури принуждена была сносить неотступныя понужденїя своего родителя: но ей предлежало еще отразить страшнѣйшїя приступы. Въ самое то время, какъ она рыдала въ обьятїяхъ своей прїятельницы, какъ погружена была въ толь различныя волненїя, доложили ей о нѣкоемъ незнакомцѣ, которой требовалъ тайно поговорить съ нею: Графиня приказала всѣмъ вытти, и осталась одна. Незнакомецъ взошелъ, и подалъ ей письмо: — Сїе письмо, Госу-

дарыня, приказалъ мнѣ Король вамъ самой вручить. Король, молвила Госпожа Салисбури! не могши скрыть своего смятенія; она развернула дрожащею рукою письмо, и читала въ немъ слѣдующее: „Потребно ли, Государыня моя, „призывать васъ повелительнымъ об-„разомъ ко Двору? Никогда не услы-„шите вы гласа повелителя; но развѣ „гласъ преданнѣйшаго вамъ человѣка. „Прекрасная Салисбури, не превыше ли „любовь всѣхъ земныхъ Монарховъ? „Не Эдуардъ ли рабомъ вашимъ учи-„нился: а вы моею владычицею; да, вы „теперь предписываете законы моему „сердцу, пылавшему доселѣ единымъ „токмо желаніемъ къ сраженіямъ, и „не вѣдавшему иной страсти, кромѣ „славы. Я могу повелѣвать Англіею, „но не могу обладать страстію, ко-„торую отсутствіе ваше только уси-„ливаетъ. Пріѣзжай, прелестная Салис-„бури, украсить жилище величества; „не опасайся, чтобъ я прибѣгнулъ къ „власти; и есть ли бы мнѣ позволено „было, то весь Дворъ мой сталъ бы „вамъ говорить объ одной только моей „любви; но я не намѣренъ васъ при-„нуждать: да будетъ супругъ счаст-

„ливымъ моимъ соперникомъ; да будетъ „онъ взаимно вами любимъ; я хочу „только васъ видѣть, обожать въ мол„чанїи ваши прелести, и внутренно „завидовать благополучному оныхъ об„ладателю. Родитель вашь васъ ожи„даетъ, и Графъ скоро сюда прибу„детъ. Король вашь, ахъ! не Монархъ „къ вамъ пишетъ, любовникъ вашъ, „но любовникъ скромный и безкорыст„ный не заслуживаетъ ли отвѣта?

P S „Буде не возможно мнѣ на„слаждаться присутствїемъ вашимъ, „какъ на жестокомъ условїи, чтобъ „не говорить вамъ о любви моей; то „повѣрьте мнѣ, что я наложу на себя „вѣчное молчанїе; да, я умѣю мол„чать: но да узрю васъ, обожаемая Са„лисбури! да насытятся очи мои зрѣ„нїемъ вашихъ очей! и да изъяснятъ „вамъ взоры мои сїю страсть, кото„рую устами возпрещено объявить. „Вѣкъ, вѣкъ не буду я вамъ о ней упо„минать; а буду только удивляться „и обожать въ тайнѣ божество моего „сердца. И Короли имѣютъ повелите„лей! Вамъ то Англїя должна повино„ваться.

Графиня не знала что дѣлать; смѣшанныя движенія волновали ея душу: добродѣтель, долгъ, любовь, и сей изъ страшнѣйшихъ ея непріятелей, сражались въ ней, и побѣждали другъ друга попеременно; она бѣгала, хотѣла взять перо, и паки пребывала въ недоумѣніи. Государыня моя, молвилъ ей незнакомецъ, Король ожидаетъ отвѣта. . . Отвѣта, возкликнула Госпожа Салисбури! ахъ! чего надобно отъ меня Королю? . . . Я никогда не покажусь тамъ, гдѣ онъ присутствуетъ; скажи ему. . . нѣтъ, надобно чтобъ я ему написала, чтобъ онъ зналъ. . . сколь злополучною меня содѣлываетъ!

Сія жертва надмѣру усилившейся страсти подвержена была еще не испытанному ею колебанію. Однако она рѣшилась, и начертала слѣдующія окропленныя слезами ея строки: „Отвѣтъ „потребенъ, Вашему Величеству! а что „мнѣ къ вамъ писать? я всегда одно „только слово буду вамъ противопо„лагать, которое не требуетъ ни ка„кихъ объясненій: я Графиня Салисбур„ская; вотъ все то, что Ваше Вели-

„чество должны себѣ говорить и по-
„вторять, и что я сама себѣ сто-
„кратно твердить буду. Позвольте
„же, Государь, чтобъ я жила навсегда
„въ отдаленіи отъ васъ. Не Само-
„держца ли моего былъ бы долгъ пред-
„ставлять мнѣ мои должности, еже-
„либъ я была въ состояніи отъ оныхъ
„удаляться. Пребываніе мое при Дворѣ
„не можетъ возвратить вамъ спокой-
„ствія, которое нужно для вашего
„благополучія, для благополучія Госу-
„дарства, присовокупить ли, и моего
„благополучія; увы! Государь, сколь
„опасно видѣть человѣка владычест-
„вующаго надъ другими, и могущаго
„безбоязненно сказать, что онъ лю-
„битъ. Да невѣдаютъ ни родитель мой,
„ни супругъ мой, сей страсти, отъ
„которой обоимъ намъ надлежитъ от-
„речься. Я могу повергнуть къ сто-
„памъ вашимъ жертвованія моего по-
„читанія, удивленія, и самой благо-
„дарности, но любви моей, Государь....
„Не воспрещено ли мнѣ располагать
„моимъ сердцемъ? мнѣ ли принадле-
„житъ сіе терзаемое вами сердце?
„Истинно, вы оное терзаете. Ахъ!
„великій Государь, оставьте меня

„въ моемъ уединенiи; буде слезы мои „могутъ вамъ нравиться, то бумага „сiя ими орошена: не пишите болѣе „ко мнѣ, не пишите; позабудте меня, „и престанемъ стараться другъ друга „видѣть. И такъ да не видимся вѣчно.„

Графиня Салисбурская.

Графиня побѣжала къ Мали: — эдуардъ прислалъ ко мнѣ письмо: вотъ оно, и я ему отвѣтствовала на оное.— Какъ? — Охъ! не опасайся, чтобъ я промолвилась хотя въ единомъ словѣ, которымъ бы укорять себя причину имѣла! — Но, любезная моя Графиня, ежели отвѣтствуешь, то не есть ли сiе знакъ снисхожденiя осторожную добродѣтель обвиняющаго? — Мали, ты пронзаешь мое сердце, не надлежало ли мнѣ показать Королю причину отдаленiя моего отъ Двора; нѣтъ, я не написала къ нему.... будь увѣрена въ томъ, что слабость моя не обнажилась, и что я только предъ тобою столь мало достойна почтенiя! но сожалѣй о мнѣ, люби меня, Мали. эдуардъ познаетъ, что я его убѣгаю, что не измѣню моей чести, что вѣрна пребуду моему супругу.... ты меня

приводишь въ трепетъ: не ужли отвѣтъ мой въ состоянiи изтолковать сiю обѣимъ намъ предосудительную страсть? не совершенно ли я его увѣрила, что любовь его была бъ для меня оскорбительна, что онъ въ меня оной не внушилъ, и что я существую только для Графа Салисбурскаго? Не ужли можно примѣтить изъ письма моего разстройство чувствъ моихъ! Дай небо, чтобъ супругъ мой скорѣе возвратился; присутствiе его возвѣститъ мнѣ о должностяхъ моихъ. Почто я узрѣла Короля? по что онъ писалъ ко мнѣ? Свирѣпая! за чемъ ты меня оставила, когда сей незнакомецъ взошелъ въ мою компату? Правда, я приказала, чтобъ всѣ отъ меня удалились; но сiе приказанiе не касалось до дружбы; ежелибъ ты осталась со мною, то бы я больше имѣла твердости, и не писала бы къ Королю. Но паки овладѣлъ мною страхъ, которой еще паче усугубляетъ мои мученiя. Пускай бы я была слаба, пускай бы упоялась слезами своими, ни Эдуардъ, ни вся вселенная сего не вѣдали бы; предъ единымъ небомъ и тобою долженствовала бы я краснѣть! но

ежели Король сверхъ всякаго чаянія свѣдалъ изъ моего письма о нѣкоторыхъ токмо тебѣ извѣстныхъ чувствахъ, то какое злополучіе! какой стыдъ! Я желала бы, Мали.... умереть до прибытія моего супруга. Единая смерть въ состояніи изторгнуть меня изъ толь жестокаго состоянія!

Госпожа Салисбури дѣйствительно обременена была внутренними мученіями. Письмо ея послужило только къ сугубому воспламененію Эдуарда. Прозорливое око придворныхъ старалось проникнуть причину мрачной задумчивости, въ которую погруженъ былъ Монархъ. Удалившись въ отдаленнѣйшія комнаты своего дворца, бесѣдовалъ онъ съ однимъ Трусселемъ, и Графиня Салисбурская составляла единственный предмѣтъ ихъ разглагольствій. Иногда хотѣлъ онъ дѣйствовать какъ раздраженный Государь, и чтобъ предмѣтъ его страсти мгновенно привезенъ былъ ко Двору; гнусный его наперстникъ утверждалъ его въ намѣреніи, чтобъ во зло употребить самодержавную власть. А иногда колеблемъ былъ сей Государь другими вос-

торгами, кричалъ, чтобъ ему больше не говорили о Графинѣ, что онъ ее забудетъ, и что онъ ее забылъ: — Да, Труссель, сїя не благодарная, не достойная безумнаго пламени меня пожирающаго, презрѣла Короля своего, видя его у ногъ своихъ, и не явила ни малѣйшаго знака чувствительности! Она полагаетъ на счетъ своей добродѣтели чувства.... которыя, безъ сомнѣнїя, только отъ холодности ея и презрѣнїя къ своему Самодержцу происходятъ; можетъ быть жертвуютъ мною сопернику, ругающемуся моею слабостїю; есть ли бы ето была правда... тогда то оказался бы весь характеръ Эдуардовъ; онъ знаетъ какъ отмстить, и знаетъ, что сану его и любви его приличествуетъ. Увы! Монархъ не столько еще посрамленъ, сколько любовникъ; и кто бы могъ обладать моею нѣжностїю въ моемъ государствѣ и въ цѣломъ свѣтѣ? Я только требовалъ ее видѣть, наслаждаться зрѣлищемъ ея прелестей и устремлять очи мои на очи мною поклоняемыя! Мнѣ чувствительно, Труссель, что я заставлялъ ее проливать слезы! Кто! я, чтобъ я учинился ви-

новникомъ слезъ Графини Салисбурской! нѣтъ, я не буду ее огорчать; пускай она терзаетъ мое сердце, я въ состоянїи буду разрѣшить себя отъ сей жестокой жертвы, и наложить на себя законъ вѣчно ее не видѣть! я ей докажу, что Король преданъ ея волѣ. Да не является она вѣчно моему взору, вѣчно .... но я ли произнесъ сїе слово... нѣтъ нужды, я Король; я хочу быть Королемъ; я намѣренъ преодолѣть свою страсть. Эдуардъ долженъ служить примѣромъ своимъ равнымъ. Достоинство великаго человѣка можно прїобрѣсти только посредствомъ преодолѣнїя препятствъ и покоренїя природы; я сего достигну. (Лордъ Варукцїй предстаетъ предъ своего Монарха) Варукци, не надобно принуждать дочь твою, пускай она останется въ Салисбурїи; я не задержу Графа, и онъ поспѣшитъ къ своей супругѣ. (Лордъ удалился.) Ну, Труссель, достоинъ ли Эдуардъ носить корону? ты ето видишь: я умѣю жертвовать собою: но чтобъ первѣйшїй изъ моихъ подданныхъ, котораго любовь приведетъ въ заблужденїе, страшился неумолимаго повели-

теля: я желалъ бы наказать моею побѣдою всю вселенную.

Эдуардъ проливаетъ слезы: — И Король Аглинскій, Эдуардъ рыдаетъ! а о чемъ? о женщинѣ: она есть владычица души моей! я потрясъ Шотландію, но не смѣю раздражить Графини Салисбурской! Ахъ! Труссель, какъ любовь перемѣняетъ сердца! Я самъ себя не познаю! я есмь. . . . преслабѣйшій изъ смертныхъ!

Труссель старался представить Монарху все должное его величеству. — Труссель, отложимъ на сторону лицѣ Государя; любовь только въ равенствѣ пріятна бываетъ; и такъ можетъ быть санъ мой препятствуетъ Графинѣ платить мнѣ взаимною любовію, которую я заслужилъ. Я доведу чувства мои до такой степени, что по крайней мѣрѣ пріобрѣту тѣмъ ея почтеніе. Я уже рѣшился: она не будетъ ко Двору моему. Я предпишу себѣ предѣлы любить ее, покланяться ей во глубинѣ моего сердца; и она была бы весьма не справѣдлива и свирѣпа, еслибъ надо мною не сжали-

лась! . . . Труссель, не думаешь ли ты, что Госпожа Салисбури меня не навидитЪ? письмо ее писано женщиною чувствительною, которой долгЪ свой и добродѣтель любезны; если бы она не связана была ненавистнымЪ для меня гимномЪ, то можетЪ быть могЪ бы я предвидѣть нѣкоторую надежду; она прїѣхала бы ко Двору моему, и не убѣгала бы моего присутствїя. . . . я заблуждаюсь вЪ безчисленныхЪ воображенїяхЪ исчезающихЪ попеременно. Труссель. . . я никогда не буду тиранномЪ; Графиня Салисбури будетЪ пользоваться всею своею вольностїю: пускай любовь моя одному мнѣ причиняетЪ мученїя, которыя еще для меня лестны, потому что Графиня будетЪ предмѣтомЪ оныхЪ.

ТакимЪ то образомЪ ЭдуардЪ умѣлЪ соединять вЪ себѣ и Монарха и любовника. Если бы онЪ послѣдовалЪ ядовитымЪ совѣтамЪ Трусселя, то сей Государь былЪ бы только обыкновенный Король: но оный великїй человѣкЪ властенЪ былЪ совѣтоваться сЪ самимЪ собою, и ему не возможно было снизойти со впечатленнаго имЪ во всей

Англіи величества. Герой можетъ подверженъ быть слабостямъ: но рѣдко въ оныя погружается.

Мали, разнствующая отъ Эдуардова наперстника, возбуждала въ сердце своей пріятельницы, любовь къ чести и добродѣтели; она даже гордо вооружилась противу склонности Графининой, которую вспомоществовала ей опровергнуть. О! коликія тщеславіе одерживаетъ побѣды надъ страстями нашими! сколь мало найдется изъ оныхъ обманчивыхъ побѣдъ такихъ, которые бы происходили отъ нелицемѣрной любви къ должностямъ нашимъ! безпримѣсная добродѣтель весьма подобна непорочной душѣ: много о томъ говорятъ, и пріискиваютъ еще примѣровъ.

Госпожа Салисбури занемогла. Встрѣчались такія минуты, въ которыя она сожалѣла о томъ, что не поѣхала въ Лондонъ съ Милордомъ Варукціемъ; потомъ просила прощенія у Мали за сіи движенія, славу ея оскорбляющія, и осуждала себя собственнымъ своимъ разсудкомъ.

Нарочный прїѣхалъ изъ Лондона, и привезъ къ Графинѣ письмо отъ отца ея. Видъ сего человѣка показывалъ, что онъ прїѣхалъ съ непрїятнымъ извѣстїемъ: дочь Лорда Варукцїя не извѣстна была о угрожающемъ ей ударѣ; наконецъ она вознамѣрилась прочесть письмо Милордово. „Дочь „моя, (писалъ онъ къ ней въ ономъ) „теперь наступило то время, въ ко-„торое должна ты ополчиться муже-„ствомъ, въ крови моей тобою почерп-„нутымъ. Истинное величество въ „насъ находится; но то величество, „которое мы получаемъ отъ счастїя, „исчезаетъ какъ прочїя мечты суету „мира сего составляющїя. Ты нетер-„пѣливо ожидала своего супруга, ко-„торой намѣренъ былъ раздѣлить съ „тобою новыя благодѣянїя, приготов-„ляемыя ему Государемъ его; но все-„вышнїй Владыка, повелѣвающїй всѣми „земными Царями, не благоволилъ, „чтобъ Графъ Салисбурской долѣе „пользовался милостями нашего Мо-„нарха. Словомъ, дочь моя, я тебѣ „повторяю: ты наставлена и въ зако-„нѣ и твердости; ты должна предъ-„опредѣлена быть къ самымъ жесто-

„кимъ злоключеніямъ: скоропостижная „смерть похитила у насъ Графа. . . .

Графиня Салисбурская не дочитала сего письма: она подала его Мали, которая была съ нею, воскликнувши: зри, какъ судьба меня гонитъ: смерть похитила у меня моего супруга!

Мали продолжала читать, и узнала о всемъ подробно, что къ сей потерѣ относилось, которая былабъ еще разительнѣе для честолюбивой женщины: но Графиня не сожалѣла о той высокой степени, на которую бы она возведена была будучи супругою Лорда Салисбури. Она чувствовала только потерю супруга, котораго почитала, и котораго бы можетъ быть любила, если бы онъ жилъ съ нею. Чувствительность ея чинила ей укоризны, которыя она не старалась отвращать, и кои потерю сію ощутительнѣйшею содѣлывали: — Надобно, Мали, открыть тебѣ мое сердце: ужасное произошло въ немъ волненіе, я самой себѣ стыдъ причиняю. . . . по среди горести моей, нѣкоторое услажденіе. . . . Я заглажу сіе преступленіе;

да, я сама накажу оное; я отмщу тѣнямъ Графа Салисбурскаго за обиды, которыя я можетъ быть при жизни его ему причинила; вдова его будетъ имѣть и мужество и вѣрность, которыхъ супруга его не имѣла. Хотя Король можетъ воспрїять свою надежду, которую принужденъ былъ оставить; однако онъ познаетъ, что почитанїе и долгъ иногда столько же далеко простираются, какъ и любовь. Салисбури и въ мертвыхъ прїобрѣлъ неоспоримыя права на мое сердце. Мали, я исправлю мои погрѣшности, вооружась величайшею строгостїю противъ самой себя; и честолюбїе мое требуетъ защищать свою добродѣтель.

Эдуардъ въ особѣ Графовой видѣлъ себя лишеннымъ великой подпоры своей короны. Онъ сожалѣлъ о немъ какъ о полезномъ гражданинѣ, котораго лишалась Англїя, и какъ о любимцѣ, которой искренно любилъ своего Государя. Если люди имѣютъ причину жаловаться на то, что мало находятъ друзей, то кольми паче сїя жалоба простительна Самодержцамъ. Салисбури приверженъ былъ къ Эдуарду, а не къ

Великобританскому Монарху. Однако среди сѣтованій Государя о сей потерѣ, любовь начала опять имъ овладѣвать. Эдуардъ не въ состояніи былъ притворятся, когда увидѣлъ себя безъ соперника, а Графиню освободившуюся отъ узъ, чинившихъ доселѣ обоимъ имъ препоны; наконецъ все то, что онъ любилъ, было свободно; сія мысль обращала на себя его взоры, и если бы кто дерзнулъ оспоривать сердце Графини Салисбурской, то не чего было ему щадить: Король невозбранно бы было могъ подкрѣплять требованія любовника.

Графъ не оставилъ послѣ себя дѣтей. По законамъ вдова его принуждена была отказаться отъ Графства, владѣніе котораго паки обращалось къ коронѣ. Привлекаема будучи симъ приключеніемъ въ Лондонъ, къ отцу своему, долженствовала Госпожа Салисбури упрекать себя предмѣтомъ тѣмъ страшнѣйшимъ, что не могла даже и мыслить о немъ съ хладнокровіемъ. Что, говорила она, въ самую ту минуту, какъ я ожидала моего супруга, и отъ присутствія котораго надѣялась полу-

чить орудія къ изгнанію страсти изъ моего сердца, я опять погружаюсь въ бездну еще глубочайшую; лишаюсь супруга, котораго я оскорбила; конечно, я его оскорбила; увы! мнѣ невозможно скрыть сего отъ себя. У меня нѣтъ уже подпоры! я чаяла погребсти себя въ семъ жилищѣ, и умереть въ ономъ; но вотъ злая моя участь призываетъ меня въ другое мѣсто, гдѣ я буду находиться подлѣ весьма страшнаго для меня непріятеля! Родитель мой проникнетъ мое смущеніе, осыпитъ меня выговорами, которыхъ бы я была достойна; лишитъ меня своей горячности, своей ласки; и весь Лондонъ спознаетъ о безумной моей страсти. Чего мнѣ ожидать отъ Эдуарда? священныхъ оковъ уже не могу я ему противопоставить; онъ не упуститъ воспользоваться нѣкоторымъ родомъ свободы мною пріобрѣтенной! . . . Ахъ! чего ему отъ меня надѣяться? . . . Мали, здѣсь то честь и гордость должны меня поддерживать. Кто! я! дочь Лорда Варукція, вдова Графа Салисбурскаго . . . я покорюсь страсти. . . . Нѣтъ, Мали, нѣтъ, положись на любовь мою къ добродѣтели и къ истинной славѣ.

Можно имѣть сердце терзаемое несчастною склонностїю: но во все ей предаться . . . развѣ трудно прекратить дни свои? можетъ ли тотъ чего либо страшится, кто столько твердъ, что въ состоянїи взятся за сїе дѣло? смерть есть превыше и слабостей и Государей. И такъ поѣдемъ въ Лондонъ; полетимъ въ объятїя моего родителя; примѣръ его воспламенитъ мою бодрость; я клянусь, чтобъ не говорить съ Эдуардомъ, не видѣть его, сказать ли мнѣ, увы! и не мыслить о немъ! . . . Ты увидишь достойна ли я твоего содружества, и познаешь дочь Лорда Варукцїя. Поѣдемъ.

Графиня оставляя замокъ Салисбурской, не могла удержаться отъ слезъ. Она часто оглядывалась назадъ, и простирала взоръ свой къ своему жилищу. Когда же она потеряла его изъ виду, то воскликнула: увы! надобно отказаться отъ сего пристанища! По крайней мѣрѣ могла я тамъ свободно проливать слезы, и не имѣла инаго свидѣтеля моего заблужденїя и моей печали, кромѣ любезной моей Мали. Есть нѣкоторое услажденїе въ горе-

стяхъ, когда можно являть свою чувствительность, и не бываешь принужденъ показывать лице не сходствующее со своимъ сердцемъ. Я вольна была вздыхать, изливать душу мою, и разговаривать о слабости, которую отъ всего свѣта скрывать буду: но теперь все будетъ мнѣ запрещено, и утѣшенie исчезло. Ахъ! достойная прiятельница, не оставь меня: не ужли небо позавидуетъ и сей отрадѣ въ претерпѣваемыхъ мною несчастiямъ!

Онѣ прибыли въ Лондонъ. Варукцiй, полагающiй всегда причиною задумчивости, въ которую погружена была дочь его, смерть Графову, старался ее изъ оной извлечь, и хотѣлъ везти ее къ Королю. — Что вы мнѣ предлагаете, родитель мой? не ужли въ семъ печальномъ одѣянiи, я поѣду.... Дайте волю печали моей; пусть меня забудутъ; и позвольте, родитель мой, чтобъ я жила здѣсь въ глубочайшемъ уединенiи.

Лордъ не принуждалъ своей дочери, и объявилъ Королю причины, удерживающiя ее въ отдаленiи отъ Двора:

Эдуардъ притворился, что будто тѣмъ доволенъ; но оставшись на единѣ съ Труссслемъ, открываетъ свою душу, удрученную безпокойствами величества: — Неблагодарная! она отказываетъ мнѣ даже въ непорочномъ удовольствїи, чтобъ ее видѣть! и прикрываетъ жестокосердїе свое благопристойностїю и должностїю, отъ которой легкобъ могла освободится, ежели бы по крайней мѣрѣ вѣдала, что такое есть чувствительность! Я только требовалъ ея присутствїя, единаго ея взора, а она упорствуетъ оказать мнѣ и сїю слабую мзду за всѣ причиняемыя ею мнѣ мученїя! но Король ли это говоритъ, Самодержецъ ли Аглинскїй, Эдуардъ ли Государь, рѣкъ Труссель, сносить толь долгое время такую дерзость есть въ самомъ дѣлѣ только унижать Величество. Не должна ли дочь Варукцїева почитать себя счастливою, что толь великїй Монархъ, какъ вы, въ нее влюбился? Мужъ ея умеръ, и она не связана уже тѣми узами, которыя единственно отъ власти зависѣло разорвать, а вы толико милостивы были, что не возжелали употреблять вашего могущества.

Чтожъ она нынѣ вамъ противопоставитъ? развѣ добродѣтель свою? добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобъ повиноваться своему Самодержцу: это первый долгъ, первый законъ подданнаго. Не вѣрьте, Государь, симъ не справедливымъ словамъ, вымышленнымъ для ослѣпленія простолюдимовъ; сїе оскорбительное сопротивленїе, которое изволитъ дочь Варукцїя украшать пышнымъ имянемъ, есть можетъ быть ни что иное, какъ дѣйствїе искусно скрываемой отъ васъ хитрости; вамъ предпочитаютъ соперника, и гордятся тѣмъ, что показываютъ холодность къ Королю; это почитается у красавицъ за важный трофей: и вотъ въ чемъ состоитъ сїя толико высокомѣрная и оскорбительная добродѣтель. . . Меня не любятъ, воскликнулъ Эдуардъ, а другаго . . . конечно, тебѣ извѣстна причина ея отказовъ; и чемъ болѣе я разсматриваю . . . я слѣдую твоимъ совѣтамъ; ты проникъ въ мое сердце; уже время облегчить язвы оное терзающїя; не вотще небо даровало мнѣ право повелѣвать. Послѣднїй изъ моихъ подданныхъ можетъ удовлетворять свои

страсти, а я долженъ ли потушать мои! . . . Я составлю мое благополучїе; оно зависитъ отъ прїобрѣтенїя такого сердца, въ которомъ ни кто изъ смертныхъ со мною спорить не можетъ.... Труссель, поди къ Госпожѣ Салисбури, поговори съ нею, и скажи ей, чтобъ она показалась при Дворѣ, что я того желаю, повелѣваю, хочу; ступай, поспѣшай.

Сей пронырливый Царедворецъ съ восторгомъ угождалъ слабостямъ своего Государя, и сплеталъ еще ковъ, чтобъ привести Варукцїя въ не милость у Короля, котораго приготовлялся онъ исполнить повелѣнїя.

Эдуардъ на единѣ, вопрошаетъ свое сердце, и внемлетъ оному; а сїе благородное и великодушное сердце не взирая ни на всѣ подлости, ни на всѣ роды прельщенїя, употребляемыя развратителями Двора, когда слѣдовало собственнымъ своимъ движенїямъ, всегда стремилось къ величїю, справедливости, и сей знаменитости человѣка, которая составляетъ личное достоинство, и которая толико возноситъ

Величество! Я поступилЪ, говорилЪ самЪ себѢ сей великїй Государь, по совѢту Трусселя; нѢтЪ, мои чувствованїя его отвергаютЪ. О! колико унизилЪ я себя страстїю, сравнивающею меня сЪ самымЪ слабымЪ и самымЪ презрительнымЪ смертнымЪ! Я есмь блюститель верховной власти, и вмѢсто того, чтобЪ употреблять оную кЪ содѢланїю народа моего благополучнымЪ, покорять ШотландцевЪ, которыхЪ дерзость меня оскорбляетЪ, и превзойтить блескомЪ царствованїя моего предшественниковЪ моихЪ, неужли буду я для того только КоролемЪ, чтобЪ мучить несчастную женщину, желающую сохранить свою добродѢтель, и которая, безЪ сомнѢнїя, нимало не чувствуетЪ ко мнѢ той склонности, которую она вЪ меня внушила! и неужли я измѢню честности и человѢчеству! неужли обругаю память такого человѢка, которой былЪ моимЪ другомЪ! неужли вдова его будетЪ игралищемЪ безумныхЪ моихЪ заблужденїй! неужли доведу до отчаянїя и смерти Варукцїя, котораго твердость самЪ я долженЪ почитать! неужли учинюсь виновникомЪ слезЪ...

всего того, что ни обожаю! Нѣтъ, не такими средствами намѣренъ я пріобрѣсти сердце Госпожи Салисбури, я хочу быть наинѣжнѣйшимъ и наипреданнѣйшимъ ея любовникомъ. (Эдуардъ призываетъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ своихъ служителей.) Скоро подите къ Лорду Трусселю! бѣгите, чтобъ онъ ничего не дѣлалъ не увидясь со мною; я его ожидаю. Какое я вкушаю удовольствіе слѣдуя гласу моего сердца! Салисбури! свирѣпая! ежели ты меня не любишь, то покрайней мѣрѣ я хочу, чтобъ ты меня почитала, удивлялась и сожалѣла. Ахъ! я достоинъ буду всѣхъ твоихъ чувствованій; я покажу тебѣ толь непорочную и горячую любовь! . . . и ты будешь содѣтельницею моихъ добродѣтелей. Я трону твое сердце; благородныя мои поступки тебя обезоружатъ . . . я обрѣтаю паки то величіе, которое долженъ имѣть Король Аглинской. (Онъ увидѣлъ Трусселя.) Ты не исполнилъ еще моихъ повелѣній. — Государь, я лишь только хотѣлъ итти къ Госпожѣ Салисбури. — Нѣтъ, Труссель, нѣтъ; я передумалъ; не прилично Эдуарду употреблять насильство, чтобъ

увѣрить сердце противоборствующее своимъ желанiямъ... берегись ходить къ Графинѣ; я побѣжду ее другими орудiями. — Какъ! Государь, вы будете терпѣть.. — Все лучше, другъ мой, нежели то, чтобъ дочь Варукцiя имѣла причину укорять меня самомалѣйшимъ ударомъ власти. — На вашемъ мѣстѣ, Государь.. — На моемъ мѣстѣ, ты бы то же сдѣлалъ, что я дѣлаю, ты разсуждаешь и говоришь какъ Труссель; а я говорю и дѣйствую какъ Эдуардъ. Мы должны показывать примѣры добродѣтели и великодушiя; и къ чемужь бы намъ служило быть начальниками надъ прочими человѣками, естьли бы мы были причастны ихъ слабостямъ и ограниченнымъ ихъ желанiямъ? Труссель, я хочу явить вселенной, что имѣю душу Короля. Не признаки ложнаго величества должны меня восхищать: но на благородствѣ чувствъ моихъ основываю я свою гордость. Графиня Салисбури не будетъ порабощена моему своенравiю: поди, и не давай мнѣ никогда такихъ совѣтовъ, которые бы были меня не достойны.

Эдуардъ похвалялъ себя симъ геройческимъ усилїемъ: но сколь дорого ему оное стоило! колико многоразличныхъ движенїй преодолѣвали его попеременно! колико по встрѣчалось такихъ минутъ, въ которыя всѣ сїи великодушныя намѣренїя исчезали!

Графиня не мѣнѣе сильное испытала волненїе. Смерть ея мужа загладилась въ ея памяти; на противъ того страсть къ Эдуарду отъ часу усиливалась въ ея сердцѣ. Ну! говорила она Мали, довольна ли ты своею прїятельницею? и не довольно ли я имѣю власти надъ склонностїю, которой время только что новыя силы придаетъ? Мали, я не могу укрытся отъ внутреннихъ попрековъ! родитель мой не перестаетъ думать, что смерть супруга причиною сей пожирающей меня печали! увы! что онъ скажетъ, естьли сердце мое мнѣ измѣнитъ? Неужли ты думаешь, что жертва мною на себя наложенная не довольно велика? въ чемъ же добродѣтель можетъ меня обвинять? я буду жить и умру для нее: но, любезная моя прїятельница, оскорблю ли я оную, взглянувъ . . .

развѣ ты меня не разумѣешь? — Какъ! вы хотите, чтобъ я показала вамъ тотъ портретъ? . . . — Я только прошу, Мали, единожды на него взглянуть, и потомъ отдамъ тебѣ его назадъ на всю мою жизнь. — Нѣтъ, я не соглашуся на ваши желанія: я служу вашему разсудку и вашей чести; и неужли вы вознамѣрились питать сію страсть, которая будетъ для васъ источникомъ неизбѣжныхъ горестей? — Прости меня, Мали, прости; дружество твое достойно всей моей благодарности; я сама тебя прошу, чтобъ ты противъ меня вооружилась; нѣтъ, да не представляется никогда глазамъ моимъ сей пагубной портретъ; изгонимъ, буде возможно, изъ сердца моего предмѣтъ всѣ усиливанія мои превозмогающій.

Эдуардъ писалъ многія письма къ Графинѣ Салисбурской; но не получалъ на нихъ ни какого отвѣта. Уже Монархъ хотѣлъ прибѣгнуть къ своему могуществу. Гордость любовника, а паче Короля, не терпитъ уничиженій: Труссель питалъ сію глубоко вкоренившуюся страсть, которая часто

доводила Эдуарда до того, что онъ ни чего не слушалъ, кромѣ своея запальчивости.

Нечаянный случай привелъ ко Двору Аглинскому нѣкоего Французскаго Рыцаря, которой назывался Эвстахїй Рибомондъ, (*) и которой въ послѣдствїи имѣлъ честь мѣрять силы свои съ Эдуардомъ. Онъ обладалъ въ высочайшей степени всѣми тѣми качест-

---

(*) Какъ Эдуардъ вторично бралъ городъ Кале, онъ сражался какъ рядовый воинъ, и напалъ во время сраженїя на Эвстахїя Рибомонда, Гасконскаго дворянина, которой бился съ Королемъ, незная его, и имѣлъ даже славу двоекратно его опровергнуть. А какъ Агличане одержали верьхъ, то Французскїй Рыцарь вручилъ свой мечь своему противоборнику, признавая себя его плѣнникомъ. Эдуардъ въ вечернемъ столѣ, которой онъ давалъ храбрымъ людямъ, попавшимся въ его руки, сказалъ Рибомонду слѣдующее: „Господинъ Эвстахїй, ты такой „рыцарь въ свѣтѣ, какого я еще никогда „не видывалъ сколько мужественнаго наступать на своихъ непрїятелей, столько и защищать самаго себя. И я ни кого не встрѣ„чалъ въ сраженїяхъ, въ которыхъ я бывалъ,

вами, которые украшали рыцарство; и обходился весьма вольно, а особливо будучи *защитникомъ объявленнымъ женщинами.* Рибомонду не трудно было прiобрѣсти благоволенiе Аглинскаго Монарха, котораго душа дышала всемъ рыцарскимъ благородствомъ, и онъ вскорѣ почтенъ былъ довѣренностiю безъизъятiя со стороны сего великаго Государя. Эдуардъ увѣдомилъ его о любви своей къ Графинѣ Салисбурской, и съ прискорбiемъ открылся ему, что

„кто бы могъ мнѣ причинить столько за-„трудненiя на поединкѣ, сколько ты нынѣ „мнѣ причинилъ; я даю тебѣ въ томъ „преимущество по справедливости и надъ „всѣми Рыцарями моего Двора; потомъ Ко-„роль взявши свой богатой шапелетъ (го-„ловной уборъ) надѣлъ оный на Господина „Эвстахiя, и сказалъ: я дарю тебѣ сей ша-„пелетъ въ знакъ наиотличнѣе сражавщагося „сего дня воина, и прошу, чтобъ ты его „носилъ нынѣшнiй годъ изъ любви ко мнѣ. „Я вѣдаю, что ты нраву веселаго и шутли-„ваго, и что любишь бесѣдовать съ женщи-„нами и дѣвицами; то говори вездѣ, куда „ни придешь, что я тебѣ оный далъ; я „увольняю тебя изъ плѣна, и ты можешь, „буде хочешь, хотя завтра уѣхать.„

онъ играетъ печальную роль несчастливаго любовника. Онъ прибавилъ, что наскучивъ терпѣть высокомѣрныя отказы, готовъ былъ прибѣгнуть къ вышней власти, и не скрылъ того, что Труссель утверждалъ его въ семъ намѣренiи. Государь, сказалъ Рибомондъ. Труссель не есть храброй дворянинъ, я ему въ глаза сiе скажу, когда онъ осмѣливается давать вамъ подобные совѣты; ваше Величество не рождены имъ слѣдовать. Надлежитъ испытать всѣ средства, позволяемыя рыцарствомъ и любовiю, и онѣ прiобрѣтутъ вамъ, осмѣливаюсь надѣятся, благосклонность Графинину. Паче всего, Государь, берегитесь, чтобъ не показывать никогда своего могущества: *въ любви услужливѣйшiй Рыцарь есть Король.* Употребите въ дѣйство счастливые дарованiя, которыми природа васъ наградила; онѣ болѣе могутъ, нежели преимущества власти. — Но если, Рибомондъ, я не буду имѣть успѣха? . . . — Тогда, Государь, жалуйтеся въ томъ сами на себя, и покажите великодушiе Аглинскаго Самодержца. — А ежели бы я имѣлъ соперника? — Быть такъ, Государь! однако

не должно бы было противопоставлять ему Короля; но спориться, кто лучше умѣетъ любить. Въ семъ случаѣ надлежало бы употребить всѣ таинства искуства нравиться, а отъ Госпожи Салисбури зависѣло бы рѣшить и наградить. Будьте увѣрены ваше Величество, что по Королѣ Французскомъ, нашемъ законномъ Государѣ, нѣтъ на свѣтѣ такой особы, къ которой бы я пронзенъ былъ толь высокимъ почтенїемъ и благоговѣнїемъ; но если бы я имѣлъ честь быть вашимъ соперникомъ, и былъ бы предпочтенъ, то не вѣдаю, Государь, простерлось ли бы мое почтенїе до того, чтобъ пожертвовать вамъ правами своими на сердце моея любовницы. Всякой жертвы могли бы вы ожидать отъ моея преданности, кромѣ жертвы любви. Позволите ли, Государь, чтобъ я продолжалъ съ вами говорить съ сею достойною васъ истинною? Вы не можете тронуть той, которую вы любите, ни нарочными повелѣнїями, ни жалобами; повѣрьте въ томъ Французамъ, когда дѣло идетъ о любви: первое искуство въ оной есть нравиться, льстить тщеславїю, или возбуж-

дать удовольствіе. Мнѣ пришло на мысль нѣкоторое средство, въ успѣхѣ котораго я почти не сомнѣваюсь; сдѣлайте торжества, и пусть Госпожа Салисбури будетъ скрытнымъ предметомъ оныхъ: я осмѣливаюсь отвѣчать вашему Величеству, что сіи угожденія будутъ ей пріятны; прекрасная женщина есть родъ божества требующаго служенія и почестей. Ни что ее такъ не прельщаетъ, какъ явное жертвованіе: и такъ, Государь, выдумаемъ вмѣстѣ нѣкоторыя по вкусу Графини увеселенія, и которыя бы извлекли ее изъ ея уединенія.

Эдуардъ обнялъ Рибомонда: — *Услужливый Рыцарь*, мой жребій въ твоихъ рукахъ; прикажи, и все тотчасъ исполнено будетъ. Я хочу, чтобъ все то, что вы выдумаете наилучшаго, великолѣпнѣйшимъ образомъ украшено было. Нещади издержекъ, потому что Король беретъ ихъ на себя, и что сей Король есть наистрастнѣйшій любовникъ.

Рибомондъ старался исполнить желанія Монарха. Обьявили турниръ, на которой приглашено было какъ Аглин-

ское дворянство, такъ и иностранные дворяне находившiеся въ Лондонѣ. Эдуардъ не приминулъ надѣть на себя платье такого цвѣта, какого носила Графиня Салисбурская; шарфъ его черный съ краснымъ блисталъ драгоцѣнными каменьями. Рибомондъ вошелъ такъ же въ ристальное поприще, и переломилъ нѣсколько ланцевъ для *неизвѣстной красавицы.* Дивизъ Короля представляющiй Персiянина обожающаго солнце, содержалъ слѣдующiя слова: *я ему поклоняюсь, хотя оно меня жжетъ.* Рибомондъ, какъ Французскiй придворный соединяющiй благородство души съ остроумною вѣжливостiю, доставилъ искуснымъ образомъ первое награжденiе Самодержцу. Эдуардъ сiе примѣтилъ, и тронутый честностiю сего поступка, не могъ удержаться, чтобъ не засвидѣтельствовать за то своея благодарности: — Храбрый Рыцарь, и вы Французы, вы столько же учтивы противъ своихъ прiятелей, сколько и своихъ любовницъ; я благодарю за побѣду, и буду поставлять ее за честь, потому, что ты сего желаешь; но каждая вещь будетъ здѣсь сама по себѣ на-

граждена: и такъ я дарю тебя моею дружбою; и въ ту же минуту Король снялъ съ своего шлема брилïантовое перо, и украсилъ онымъ шлемъ Рибомондовъ.

Графиня Салисбури не присудствовала на сихъ торжествахъ. Эдуардъ льстился, что любопытство и вкусъ позорища ее туда привлекутъ; но она оставалась въ своемъ уединенïи. Между тѣмъ она не переставала разпрашивать Мали о самомалѣйшихъ подробностяхъ, и заставляла ее разсказывать даже и самыя мѣлкости. Колико тронута была ея чувствительность, какъ она услышала о дивизѣ Эдуарда, и о принятыхъ имъ *ея цвѣтахъ*! Она безпрестанно обращалась къ сему свидѣтельству любви Государевой, а дивизъ его доказывалъ ей, что въ немъ находилося столько же скромности, сколько и нѣжности.

Разныя *ентермедïи* (*) наилучшимъ образомъ выдуманныя кончили сïи тор-

(*) Такъ назывались нѣмыя представленïя, которыя были нѣкоторый родъ пантоминъ.

жества. А особливо представлена была одна, которой таинственный смыслъ не трудно было угадать какъ Графинѣ, такъ и любимцамъ Эдуардовымъ: театръ представлялъ нѣкоторый родъ стана, гдѣ видимъ былъ Ахиллесъ, пробующїй разныя оружїя; Паллада показывала ему знамена, и вѣнцы лавровыя: онъ съ стремленїемъ бѣжалъ къ Богинѣ. Дейдамїя, во образѣ младой особы исполненной прелестїей, является взору Героя: онъ скоропостижно оставилъ Палладу, и летѣлъ повергнуться къ ногамъ Дейдамїи. Она его отталкивала и убѣгала; но онъ все за нею слѣдовалъ. Слава нисходила во облакѣ, а Любовь выходила съ другой стороны на сцену; Ахиллесъ взиралъ на нихъ съ воздыханїемъ, и давалъ знать своими тѣлодвиженїями, что онъ желалъ соединить ихъ обоихъ; Генїй, означенный младенцемъ, повѣсилъ посреди залы картину, представляющую Дейдамїю сѣдящую на престолѣ, а въ низу оной написаны были огненными буквами сїи два слова, *Слава, и Дейдамїя.*

Госпожа Салисбури все упорною пребывала, чтобъ не показываться, и сїи

представленія не болѣе произвели дѣйствія, какъ турниръ и карусели. Рибомондъ признавался побѣжденнымъ въ наукѣ *привлекать женщинъ*, а Эдуардово негодованіе на Графиню соразмѣрно было его любви.

Между тѣмъ она не мѣнѣе страдала Короля. Отецъ ея безпрестанно укорялъ ее сею уединенною жизнію, въ которой она погребала свою младость. Развѣ ты думаешь, говорилъ онъ ей, что я хочу, чтобъ ты вѣчно влачила вдовью жизнь? неужли ты не знаешь, дочь моя, что я кромѣ тебя дѣтей не имѣю, и лишишь меня удовольствія, оставить дому моему наслѣдника? уже многіе за тебя сватаются; и развѣ ты рѣшилась никогда не казаться при Дворѣ? печаль должна имѣть предѣлъ. При сихъ словахъ Графиня ощутила безпокойство, а Лордъ продолжалъ: не ужли же ты ничего не сдѣлаешь для отца, которой, безъ сомнѣнія, имѣетъ такія же священныя права на твои чувствованія, какъ и супругъ твой? я не осуждаю, что ты чтишь его память: но, я подтверждаю, что ты должна

исполнить должности. Мы погрѣшимъ противъ нашего Государя, которой осыпалъ меня благодѣянїями; можетъ ли быть на свѣтѣ Король, достойнѣйшїй нашея любви? сердце твое.... — Ахъ! родитель мой... сердце мое... Конечно, родитель мой, Монархъ нашъ достоинъ нашихъ жертвованїй... и кто можетъ болѣе меня чувствовать то, чѣмъ мы ему обязаны? родитель мой, онъ есть.... — Самый величайшїй Самодержецъ, какого Англїя когда либо имѣла: сїя похвала освящена самою истинною. Эдуардъ изливаетъ свои щедроты на все, что его ни окружаетъ; и съ какимъ благородствомъ онъ ихъ расточаетъ! особливо же будучи вѣренъ въ содержанїи своего слова, я не знаю, чтобъ могло его останавливать; онъ намѣренъ былъ жениться на дочери Графа Генегавскаго... — Развѣ онъ не женится на ней, родитель мой? — Онъ всегда откладываетъ сей бракъ, съ которымъ сопряжена государственная польза, и не вѣдаютъ причины сего медленїя. Госпожа Салисбури повторила: развѣ онъ не женится? — Не льзя, чтобъ онъ не склонился удовлетворить желанїя цѣлаго народа; съ нѣсколькихъ

мѣсяцовъ примѣчена въ немъ мрачная печаль, которой причины мы не постигаемъ; однако кажется, что онъ старается призывать на помощь свой разсудокъ и величество. Паче всего приводитъ меня въ удивленіе то, что когда я ни приду къ нему, то онъ показываетъ нѣкоторое смущеніе . . . и насильно вырываются у него вздохи.

Ежели бы, въ сію минуту, взглянулъ Варукцій на дочь свою, то бы онъ проникъ ея тайну. Онъ паки продолжалъ: Король давалъ торжества, и весьма странно кажется, что оныя усугубили его задумчивость. Прилично ли толь просвѣщенному Монарху удостоивать своея довѣренности самаго презрительнѣйшаго человѣка своего Двора? Эдуардъ не вѣдаетъ того, въ чемъ виновенъ Труссель, что онъ есть изъ числа главнѣйшихъ виновниковъ бѣдствій, и даже смерти сожалѣнія достойнаго Государя: онъ только можетъ заражать своими пороками душу не столько къ развращенію способную. Я поѣду сегоднишнимъ вечеромъ къ Королю, и тебя, дочь моя, возьму съ собою. — Родитель мой, позволь-

те. . . . — Я сего хочу, и тебѣ приказываю; перестань меня не слушатся. — Родитель мой, я обнимаю ваши колѣна: позвольте, чтобъ я не оставляла моего уединенія. . . . — Аликса! — Покрайней мѣрѣ подождите еще нѣсколько дней; я въ состояніи буду… я васъ послушаюсь, родитель мой. — Но отъ чегожь происходитъ сіе смятеніе? Развѣ ты скрываешся отъ меня?… — Ничего, Милордъ, ничего; но… не откажите мнѣ въ той милости, которой прошу отъ родительской вашей горячности. — Ты во зло ее употребляешь, Аликса; ты имѣешь тайности для меня!… однако я соглашаюсь на твои прозьбы. . . . Я надѣюсь, что ты мнѣ признаешься въ томъ, что тебя удаляетъ отъ свѣта. Помни, что по прошествіи срока, я употреблю мою власть, по неволѣ твоей, призову тебя къ должностямъ твоимъ.

Графиня будучи на единѣ или со своею пріятельницею, предавалась всей жестокости своихъ чувствованій. Уже она была не та вооружившаяся противъ своей страсти женщина, ко-

торая лобызала ноги Варукціевы, что бы отдалить ту минуту, въ которую должна она была предстать предъ Эдуарда. Иногда жаловалась она на строгость своей добродѣтели, душа ея стремилась къ Королю, и казалось, что она вознаградила то принужденіе, которое налагало не нее присутствіе ея отца. Она показывала Мали всю свою слабость.

Милади Сюффолкъ пригласила Госпожу Салисбури на балъ, которой она давала въ одномъ загородномъ своемъ домѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона. Лордъ Варукцій принуждалъ свою дочь туда ѣхать; и она почла за нужное отвѣтствовать учтивости Госпожи Сюффолкъ. Графиня надѣла маску; и прибывши на балъ, дала о себѣ знать единой токмо Милади. Собраніе было блистательное и многочисленное. Госпожа Салисбури приводила въ удивленіе величественнымъ и пріятнымъ своимъ станомъ, и казалось, что ея пріятности ей измѣняли. Она уронила нечаянно подвязку; (*) одна маска,

(*) Таково есть почти установленіе Ордена

богато одѣтая, подхватила ее съ стремленїемъ, и хотѣла завладѣть оною; Графиня неотступно просила, чтобъ

подвязки. Многїе писатели, между прочимъ и славный Господинъ Гюмъ, старающїеся украшать все то, что ни дѣлали Самодержцы, опровергаютъ сей любовной анекдотъ, и почитаютъ его за басню. Орденъ златаго Руна, по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ, учрежденъ былъ почти таковымъ же образомъ. Впрочемъ господинъ Гюмъ согласенъ въ томъ, что нравы временъ Эдуардовыхъ весьма сходствовали съ симъ родомъ установленїй. Какъ бы то ни было, однако утверждаютъ, что Графиня Салисбури уронила на балѣ подвязку; Эдуардъ поспѣшно оную поднялъ, и примѣтивъ, что нѣкоторые его придворные тому смѣялись, которые думали, что сїе съ умыслу сдѣлано было, но что надлежало бы приписать нечаянному лучаю, воскликнулъ: *безчестенъ тотъ, кто зло о томъ подумаетъ!* Сїи слова учинились надписью Ордена. Число Кавалеровъ онаго двадцать четыре, изключая Короля. Особы, которые не терпятъ того, чтобъ любовь вмѣшивалась въ дѣянїя великихъ людей, выдумали, что побудившее Эдуарда къ учрежденїю сего Ордена было то, что будто бы въ день сраженїя при Креси, далъ онъ для пароля, слово

ей онную отдали; но ее не слушали; наконецъ рѣшилась она снять свою маску, думая тѣмъ принудить къ по-

---

garter, знаменующее на Аглинскомъ языкѣ подвязку. Другіе выводятъ, что яко бы на сей же самой баталіи, сей Монархъ привязалъ свою подвязку къ концу ланца для знака къ сраженію. Наконецъ любители древнихъ лѣтописей утверждаютъ, что Эдуардъ только возобновилъ старый Орденъ, установленный еще Королемъ Ричардомъ I, при осадѣ города Акры или Птолемей. Сей послѣдній (естьли слѣдовать ихъ мнѣнію) рѣшившись взять сей городъ приступомъ, роздалъ знатнѣйшимъ своимъ офицерамъ коженныя подвязки на ноги, чтобъ тѣмъ лучше могли они разпознавать другъ друга въ сраженіи, и отъ того произошелъ сей первый нынѣ Орденъ въ Англіи. Вотъ какъ сочинены были всѣ исторіи; и вотъ какъ можно узнать истинну въ сей громадѣ очевидной лжи! При томъ если бы только подобныя бездѣлицы терялись во тмѣ: но и самыя существеннѣйшія произшествія покрыты такимъ же мракомъ; а важный историкъ съ сожалѣніемъ взираетъ на вздорнаго романиста. Друзья мои, вы такіе же честные шарлатаны; я покрайней мѣрѣ прощаю тѣхъ, которые меня занимаютъ или увеселяютъ.

чтенїю дерскаго Рыцаря, удерживающаго ее подвязку; безчисленныя восклицанїя провозгласили, нѣкоторымъ образомъ, красоту Госпожи Салисбури. Тотчасъ и похититель снялъ съ себя свою маску: какое же было удивленїе для собранїя, и самой Графини, когда познали въ немъ Короля! Онъ воскликнулъ: вотъ сокровище достойное моего обладанїя! я не уступлю онаго ни за всю вселенную. Нѣкоторыя особы тому смѣялись: Эдуардъ продолжалъ: *бесчестенъ тотъ, кто зло о томъ подумаетъ!* Тѣ, которые смѣялись, не будутъ имѣть участїя въ орденѣ, которой я намѣренъ установить, и котораго знаки носить знатнѣйшїя Европейскїя Государи за честь себѣ поставлять будутъ. Онъ сказалъ Госпожѣ Салисбури тихимъ голосомъ нѣсколько словъ, которыхъ неможно было слышать; но примѣтили, что она была смущена. Рибомондъ лишь только увидѣлъ Графиню, какъ пришедши въ восторгъ, бросилъ свою перчатку на средину залы, и сказалъ: я готовъ сражаться за *самую прекраснѣйшую.* Два иностранные Рыцаря оную подняли; Французъ побѣдилъ ихъ од-

ного послѣ другаго, и принудилъ покориться своимъ законамъ.

Эдуардъ горѣлъ желанїемъ увидѣтся опять съ Рибомондомъ; и сколь скоро онъ его увидѣлъ: — Ну! другъ мой, и такъ ты защитникъ Госпожи Салисбури? — ,,Государь, по Богѣ, Королѣ ,,Французскомъ и васъ, я не намѣренъ ,,служить другому Государю. О такой ,,Госпожѣ можно сказать, что красота ,,есть первая земная владычица. Божусь ,,вамъ святымъ Денисомъ, что я вызвалъ бы всѣхъ Рыцарей круглаго стола за Госпожу Салисбури, и вѣрно бы ,,ихъ побѣдилъ. Я принудилъ моихъ ,,двухъ дерзкихъ противоборниковъ, ,,признать ее за самую разумнѣйшую и ,,прекраснѣйшую; и они дали мнѣ свое ,,слово, что будутъ носить ея цвѣты: ,,въ противномъ же случаѣ я почту ихъ ,,за подлыхъ и безчестныхъ Рыцарей. ,,Нѣтъ Величества, которое бы могло ,,сопротивлятся толикимъ прелестямъ! — Рибомондъ, и такъ ты проникъ, что я есмь наистрастнѣйшїй любовникъ? —,, Эй, эй, Государь, нашъ богатырь Роландъ надѣлалъ множество ,,дурачествъ для предмѣта не столько

„достойнаго, и я не думаю, что бы „ваша толь выхваляемая Розамонда (*) „могла сравниться съ Госпожею Салисбури, ни чтобъ волшебникъ Мерлинъ, „о которомъ Англія все еще намъ упоминаетъ, со всѣми своими очарованіями, „могъ произвести толь прелестный и „божественный образъ; для васъ единственно, Государь, я не буду вашимъ соперникомъ. Коликія пріятности совокуплены въ сей красавицѣ!

(*) Розамонда или Роземонда была любовница Генриха II Короля Аглинскаго; она подала еще поводъ къ безчисленнымъ баснямъ, которыя покрайней мѣрѣ забавляютъ читателя. Роземонда достойна была названія *красавицы*, и присоединяла къ своимъ прелестямъ самыя рѣдкія дарованія. Изъ супруги Генриха II сдѣлали новую Медею: ревность ея противъ сей женщины, обожаемой ея мужемъ, доводила ее почти до безумія, она возбудила множество непріятелей на Короля, и принудила даже и дѣтей своихъ вступить въ заговоръ, которой состоялъ въ томъ, чтобъ низвергнуть его съ престола и лишить жизни. Соперница ея не менѣе претерпѣвала гоненій: Генрихъ желая защитить свою любовницу отъ злобы Королевы, нашелъ средство скрыть

„какїе взоры! какой голосЪ! онЪ и те-
„перь еще вЪ моемЪ сердце. Я принуж-
„денЪ признаться: наша Францїя ни-
„чего не имѣетЪ подобнаго Госпожѣ
„Салисбури„.

Эдуардъ, не взирая на малые ус-пѣхи своей любви, утѣшался восторгами Рибомонда. Что можетЪ быть лѣстнѣе похвалы чинимой любимому нами предмѣту? Король открылся Французскому рыцарю, что онЪ ни-

---

ее вЪ одномЪ своемЪ домѣ называемомЪ *Вудшток*Ъ. Агличане говорятЪ о какомЪ то садѣ, о славномЪ лавиринфѣ, о прудѣ и множествѣ другихЪ памятниковЪ, тамо находившихся, и на которые чародѣй МерлинЪ истощилЪ всѣ таинства своей Магїи. Королева употребила Арїаднину хитрость: клубокЪ нитокЪ помогЪ ей извлечь несчастную Розамонду изЪ ея убѣжища, которая испытала все бѣшенство ревнивыя женщины и оскорбленной Королевы. НаконецЪ скончала она жизнь свою вЪ мученїяхЪ, которыми обремѣняла ее супруга Генрихова. Нѣкоторые утверждаютЪ, что ядЪ сократилЪ ея дни. Память сей злополучной красавицы любезна еще АгличанамЪ; и она подала поводЪ кЪ нѣкоему лирическому сочиненїю Адиссона, вЪ которомЪ находятся важныя мѣста,

единаго слова не могъ услышать отъ Госпожи Салисбури, и что она удалилась отъ него заливщись слезами: — Рибомондъ, встрѣчаются минуты, что я воображаю себѣ, что я любимъ. Какое сладостное удовольствїе для меня, единое помышленїе. . . . Увы! я не буду долго останавливаться на семъ толь драгоцѣнномъ заблужденїи; нѣтъ, Госпожа Салисбури меня не любитъ; я не могъ внушить въ нее ни малѣйшей склонности; она взираетъ на меня съ хладнокровїемъ; она меня ненавидитъ. . . . о! ежели бы я имѣлъ соперника! . . . тогда негодованїе мое соразмѣрно бы было поруганной любви. Вы, Французы! не умѣете любить! вы игрушки вашихъ любовницъ; я не буду такъ раболепствовать, какъ вы: я хочу, чтобъ съ сихъ поръ Госпожа Салисбури перестала составлять злополучїе своего Государя, или могущество мое. . . . — Эхъ! Государь, почто говорить безпрестанно о власти, когда вы *говорите любовнымъ языкомъ*! Я уже сказалъ вашему Величеству, что сердце своей любовницы надлежитъ прїобрѣтать постоянствомъ и *честными* ус-

лугами; любите Госпожу Салисбури, Государь, и вы побѣдите ея сердце: *я вамъ не безума или не вздоръ говорю.* Вмѣсто того, чтобъ предаваться *жалобѣ* и *тоскѣ*, не удостоите ли ваше Величество выслушать нѣкоторую сказочку, которая подтвердитъ то, что я имѣлъ честь вамъ сказать, и которая можетъ быть повеселила бы васъ? Эдуардъ стараясь разогнать свою скуку, охотно согласился на предложенiе Рыцаря. Рибомондъ началъ такъ: сказка, которую я теперь вашему Величеству разсказывать буду, называется: *Награда Любви.*

„Нѣсколько времени спустя послѣ „смерти столь извѣстнаго Галлiйскаго „Амадiя, появилась при Дворѣ Короля „Шотландскаго прекрасная дѣвица, „толь чрезвычайной красоты, что „всякъ, кто ее ни видѣлъ, приходилъ „отъ того въ великое удивленiе: а „по сему и называли ее единогласно „*Мервельею* (*), и толь жестоко въ нее „влюблялись, что чувствъ и покою „лишались. Говорили, что она прiѣ-

(*) Сiе слово значитъ чудо или диво.

„хала изъ Даніи, и родственница Коро-
„левы. Она имѣла довольно величест-
„венный видъ, которой не препятст-
„вовалъ ей изобиловать прелестями,
„и всякаго рода пріятностями. Слад-
„кая ея рѣчь уподоблялась звуку лиры
„или флейты, такъ что краснорѣчи-
„выя и острыя ея слова какъ медъ
„текли въ сердца, и оставались та-
„мо въ вѣчной памяти. Сіянія голу-
„быхъ и блистающихъ ея очей не воз-
„можно было сносить, а взоры ея имѣ-
„ли толь привлекательную унылость,
„что помрачали разумъ, и возбуждали
„безпримѣрное желаніе жить и уме-
„реть у нее въ неволѣ. Амуры играли
„въ развѣвающихся бѣлокурыхъ ея во-
„лосахъ, превосходящихъ блистані-
„емъ чистѣйшее злато; при каждомъ
„шагѣ она влекла ихъ съ собою; съ
„пріятнымъ ея дыханіемъ ни померан-
„цовыя цвѣточки, ни лилеи, ни ту-
„берозы не могли сравниться; нѣж-
„ныя ея уста, на которыхъ казалось
„восхитительная улыбка получила
„свое бытіе, походили на настоя-
„щую розовую головку, весною разцвѣ-
„тающую, и зрѣніе обворожающую.
„На ней не было ни дорогихъ уборовъ,

„ни драгоцѣнныхъ каменьевъ; но про-
„стое вïолетоваго цвѣта платье, а
„на головѣ прекрасный жасминный или
„ландашный шапелетъ, похожïй на
„вѣнокъ изъ цвѣтовъ сплетенный. Ни-
„когда не видывали толь веселой и
„снисходительной дѣвицы. Господа ры-
„цари находились внѣ себя, и совѣто-
„вались между собою о томъ, какъ
„бы ей понравится. Многïе спори-
„лись о чести ей служить; но ни-
„кто не могъ предвидѣть ни малѣй-
„шей надежды. Мервелïя хотѣла быть
„совершенно любимою, и изъ помя-
„нутыхъ рыцарей не находила ни
„одного по своему сердцу. Между
„тѣмъ какъ всѣ почитали за не воз-
„можное тронуть и смягчить помя-
„нутую Госпожу, прибылъ ко Дво-
„ру Короля Шотландскаго, иностра-
„нецъ, въ простомъ одѣянïи, съ од-
„нимъ гладкимъ щитомъ, и кото-
„раго имя было *Оруженосецъ Любви*.
„Лишь только увидѣлъ онъ Мерве-
„лïю, какъ почувствовалъ къ ней
„толь сильную любовь, что ни
„сна, ни пищи не вкушалъ, и безпре-
„станно говорилъ самъ себѣ: или ум-
„ру, или трону жестокое сердце сей

,,дѣвицы; я постараюсь сдѣлатся ея
,,другомъ. Оруженосецъ Любви, раз-
,,суждая такимъ образомъ, не при-
,,минулъ сдѣлать все то, что при-
,,личествовало довольно уже иску-
,,сившемуся Рыцарю, чтобъ понра-
,,вится особѣ въ мысляхъ его обрѣ-
,,тающейся, и повторялъ ей много-
,,кратно, какъ бы она его слышала,
,,тихимъ голосомъ: да, Мервелья, да,
,,ты есть чудо любви, я довольно это
,,чувствую, и пребуду на всегда твоимъ
,,невольникомъ. Онъ не пропустилъ вы-
,,брать для себя цвѣтъ Мервельинъ, ко-
,,торой былъ сѣрой смѣшанный съ крас-
,,нымъ, а дивизомъ его были слѣдую-
,,щїя слова: *или смерть или ея сердце.*
,,Онъ не былъ ни гордъ, ни высокомѣ-
,,ренъ, да и никто не могъ равнятся
,,съ его ростомъ, пригожимъ видомъ
,,и храбростїю; умѣлъ дѣйствовать
,,оружїемъ, и не страшился ни Рыца-
,,рей, ни Гигантовъ. Его можно бы
,,было почесть за дѣвицу одѣтую въ
,,муское платье, толико онъ былъ
,,еще молодъ: но сердце его горѣло
,,желанїемъ къ славѣ и сраженїямъ, а
,,руки его могли наносить мужествен-
,,ные удары, и глыбокїя раны Мерве-

„лїя безъ труда догадалась, что Ору-
„женосецъ Любви въ нее влюбился: но
„она того не показывала, потому,
„что честная и безпритворная любовь,
„мнила она, есть не скоро возбуждаю-
„щаяся страсть, и что она весьма
„разнствуетъ отъ той страсти, ко-
„торою законъ и добродѣтель важно
„оскорбляются. Она молчала, и от-
„вѣтствовала только холодностїю
„рыцарю, не показывая никакихъ сча-
„стливыхъ признаковъ. Такимъ же об-
„разомъ поступала она съ богатыря-
„ми и бакалаврами, которые въ нее
„влюблялись, и которые будучи тѣмъ
„чрезмѣрно опечалены, устремились
„къ другимъ предмѣтамъ, и разъѣха-
„лись въ разныя мѣста, искать дѣ-
„вицы благосклоннѣйшей. Одинъ влюб-
„ленный Оруженосецъ Любви былъ не
„поколебимъ, и прїялъ твердое намѣ-
„ренїе, умереть у нее въ неволѣ, хотя
„она была не очень снисходительна,
„и прямо суроваго нрава. Нѣкогда какъ
„Мервелья прогуливалась въ нѣкото-
„ромъ отдаленїи отъ своихъ дѣву-
„шекъ и пажей, увидѣла она предъ
„собою Оруженосца Любви, которой
„преклонивъ одно колѣно на землю,

„говорилъ ей съ естественною стра-
„стïю: превосходная Госпожа, я кля-
„нусь у ногъ твоихъ святымъ Эвста-
„хïемъ, что до послѣдняго моего ды-
„ханïя буду твоимъ невольникомъ;
„сжалься надо мною, и скажи покрай-
„ней мѣрѣ мнѣ во утѣшенïе, что ты
„услуги мои принимаешь. Однако она
„ни слова не отвѣчала; а Оруженосецъ,
„которой не преставалъ печалиться и
„плакать, продолжалъ: я не отъ того
„проливаю сïи слезы, чтобъ мнѣ не-
„доставало чести и рыцарскаго зва-
„нïя: сïи слезы суть слезы любви, и
„я не отстану отъ моего намѣренïя.
„Люби меня, Государыня, будь моею,
„а я тебя столько любить буду,
„сколько потребно, чтобъ и ты меня
„любила; жестокость твоя не лишитъ
„меня бодрости; я видѣлъ львовъ,
„которые сдѣлались кроткими, и лю-
„тыхъ волковъ, которые сдѣлались
„смирными, и играющихъ съ блеющи-
„ми ягнятами. Постоянство и любовь
„смягчатъ сïе каменное сердце. На
„сей конецъ разсудливый Оруженосецъ
„началъ помышлять о всемъ томъ,
„чтобъ могло сдѣлать его повели-
„тельницу чувствительною и призна-

„тельною. А какъ она любила цвѣ-
„ты, то Оруженосецъ бѣгалъ по лу-
„гамъ, садамъ и гульбищамъ, и соби-
„ралъ ихъ тамо, для принесенїя въ
„дань своей Повелительницѣ, которая
„притворялась, что будто на нихъ
„и не глядѣла, и что уже онѣ ей не
„надобны были; но Оруженосецъ гово-
„рилъ: я награжденъ, потому что слу-
„жу той, которую люблю. Въ нѣко-
„торое время Мервелья разсказывала
„исторїю о нѣкоей птичкѣ, которая
„бываетъ рѣже самаго феникса; оная
„находилась во власти Королевы Ир-
„ландской, которая все свое утѣше-
„нїе въ ней находила, и которая дер-
„жала ее въ прекрасной вызолоченной
„клѣткѣ, осыпанной наилучшимъ вос-
„точнымъ жемчугомъ и различными
„драгоцѣнными каменьями. Надобно бы-
„ло знать, что она приставила карау-
„лить ее денно и ночно четырехъ ры-
„царей, съ которыми ни кто не могъ
„сравниться въ славѣ оружейныхъ дѣй-
„ствїй. Мервелья чрезвычайно превоз-
„носила благополучїе сей Королевы, и
„говорила: надобно быть Королевою,
„чтобъ имѣть во всемъ довольство!
„Что услышавъ Оруженосецъ, взялъ

,,свой щитъ и ланецъ, и пошелъ прямо въ Ирландїю, сразился съ помянутыми рыцарями, убилъ ихъ, не взирая на мужественное ихъ сопротивленїе, и принесъ птичку и клетку къ своей Повелительницѣ. Вотъ, говорилъ онъ, превосходнѣйшая красавица, то, что ты желала съ толикимъ жаромъ: птичка Королевы Ирландской, и клетка тебѣ теперь принадлежатъ. Дворъ находился въ безпрестанномъ удивленїи, и каждый другъ друга спрашивалъ о Оруженосцѣ, какъ могъ онъ побѣдить четырехъ наиславнѣйшихъ рыцарей, а Оруженосецъ скромно отвѣтствовалъ: сїи защитники были хуже чародѣевъ, а настоящїе волшебники, и можно видѣть были ли они свѣдущи въ оружейномъ ремеслѣ, но нѣтъ на свѣтѣ ни науки, ни храбрости, ниже колдовства, которыя бы не уступили силѣ любви. Одна Мервелїя не дивилась таковому подвигу и не смотрѣла на сїе доказательство совершенной дружбы, хотя, говоритъ исторїя, что какъ скоро она примѣтила, что ни кто ее не видитъ, то вынула птичку изъ клетки и посадила ее тотчасъ къ

„себѣ за пазуху, говоря про себя: ми-
„ленькая птичка, миленькая птичка,
„не бейся у меня; я буду тебя здѣсь
„хранить какъ въ какой крѣпости.
„Всѣ чрезвычайно сердились на холод-
„ность Мервельину, и сожалѣли о Ору-
„женосцѣ, которой не былъ тѣмъ
„тронутъ, и повторялъ: я награж-
„денъ, потому что служу той, кото-
„рую люблю. Въ одинъ день, сїя толь
„презрительная красавица, веселясь со
„своими дѣвушками, сказала гром-
„ко: о! какъ счастливъ сынъ Коро-
„ля Лизуарта! онъ носитъ на правой
„своей рукѣ превеликой пламенный
„карбункулъ, какъ бы то было солн-
„це въ полуденное время! надобно
„быть сыну Королевскому, чтобъ
„имѣть такїя драгоцѣнныя каменья!
„Оруженосецъ Любви выслушавъ сїе,
„немѣдленно отправился въ путь, и
„нашелъ сына Короля Лизуарта, ко-
„торой ни за что не соглашался ус-
„тупить карбункулъ, хотя онъ пред-
„лагалъ ему за него знатную сумму
„денегъ. Наконецъ рѣшился Принцъ
„отдать его съ такимъ условїемъ,
„что бы Оруженосецъ вступилъ въ
„сраженїе съ двумя исполинами слав-

,,нѣйшими Алвадана и Гандалака (*);
,,Оруженосецъ тотчасъ сїе исполнилъ;
,,онъ одержалъ верьхъ, отрубилъ го-
,,ловы симъ гнуснымъ невѣрнымъ, и
,,принесъ прекрасный карбункулъ къ
,,Мервельи, которая притворилась,
,,что того не примѣчаетъ, и никакъ
,,до него не дотрогивалась. Но какъ
,,осталась она на единѣ, то тотчасъ
,,положила карбункулъ въ пазуху, под-
,,лѣ птички, сказавъ: прекрасный кар-
,,бункулъ, я тебя не уступлю ни за всѣ
,,сокровища въ свѣтѣ. Мервельи взду-
,,малось потомъ сказать безъ всякаго
,,умыслу и изъ шутки, что ей прїят-
,,но бы было, чтобъ какой ни будь
,,Рыцарь сдѣлался на три мѣсяца слу-
,,гою у своей любовницы: но что же
,,вышло изъ сихъ безъ всякаго намѣре-
,,нїя выговоренныхъ словъ? Оружено-
,,сецъ въ ту же минуту обьявилъ себя
,,слугою Мервельи, и вступилъ къ
,,ней въ сїе униженное званїе, превос-
,,ходя всѣхъ ея пажей, слугъ и
,,дѣвушекъ какъ покорностїю и про-
,,ворствомъ, такъ и ревностнѣйшимъ

(*) Два славные исполина въ Галлїйскомъ Амадїи. Смотри книгу первую.

„исполненіемъ ея повелѣній: Оруженосецъ безпрестанно повторялъ съ радостію и хвастовствомъ: я служу той, которую люблю; въ исправленіи сей должности находиться честь и хвала, и самые величайшіе Государи въ свѣтѣ, когда они влюблены, не суть ли рабы своихъ возлюбленныхъ? Какъ пришло ему время разувать Мервелію, то онъ дрожалъ, бледнелъ, млѣлъ отъ радости, падалъ предъ нею на колѣни, почтительно и благоговѣйно снималъ съ нее ея обувь, и съ восхищеніемъ цѣловалъ оную тогда, когда думалъ, что Повелительница его того не примѣтитъ. Наконецъ трехъ мѣсячная служба кончилась, и Оруженосецъ сдѣлался отъ того сугубо влюбленнымъ; но Мервелія не показывала нималѣйшей чувствительности, и сему то наиболѣе удивлялся Дворъ Короля Ирландскаго. У Оруженосца была собака, которую не отдалъ бы онъ ни за всѣ сокровища въ свѣтѣ; и сіе ласковое животное, что походило на чудо, ѣло только изъ правой руки своего господина. Она ходила за нимъ всюду, спала съ нимъ, и была его товарищемъ и защитникомъ,

,, неоднократно избавляя его отъ во-
,,ровъ и разбойниковъ, которые по-
,,кушались его убить: равномѣрно и мо-
,,лодой Бакалавръ, какъ сказано было,
,,ни чего такъ не любилъ, какъ свою
,,собаку, и по справедливости и съ
,,благодарностїю сходственно назы-
,,валъ ее *фиделью* (*). Нѣкогда Мер-
,,велья весьма любовалась сею соба-
,,кою, и гладила ее нѣжною своею
,,рукою. Онъ же почтя таковыя лас-
,,ковости, что Мервелїя имѣла ве-
,,ликое желанїе имѣть ее у себя,
,,тотчасъ вручилъ ей оную и съ ве-
,,ревкою, говоря: Государыня моя, по
,,елику хозяинъ сей собаки твой, то
,,пускай и она будетъ твоя; а бѣд-
,,ное животное какъ бы радуясь тому,
,,что принадлежало первѣйшей краса-
,,вицѣ въ свѣтѣ, всегда бѣгало къ
,,Оруженосцу, когда его увидитъ, и по-
,,давало ему лапу. Онъ цѣловалъ свою
,,собаку еще болѣе прежняго, пото-
,,му что Повелительница его весьма
,,часто ее цѣловала. По нечаянному и
,,чудному случаю прогуливался Оруже-

(*) Вѣрною.

„носецъ въ садахъ Короля Ирландскаго; „сїе было въ началѣ весны, когда „птички обогрѣвшись нѣсколько сол-„нечными лучами, начинали одѣвать-„ся въ новыя перушки, и пѣть, ког-„да обновленная земля паки облача-„лась въ изумрудную свою одежду, и на „которой появлялись цвѣточки и влюб-„ленная вїоль возвышающая изъ дерна „свою головку, и разливающая балсам-„ный свой запахъ по всюду. Оруженно-„сецъ Любви, смотря на сїе, несказан-„но печалился, и говорилъ въ горькой „своей тоскѣ: все смѣется, и испол-„нено радости и веселїя; одинъ толь-„ко я страдаю! какъ вдругъ услышалъ „онъ крикъ, которой поразилъ его „слухъ: онъ все оставляетъ, познав-„ши голосъ своей возлюбленной, и бѣ-„житъ къ тому мѣсту, отъ куда оной „произходилъ. Какое жалостное и пе-„чальное зрѣлище представилось его „взору! Повелительница его, которую „гнусной великанъ хотѣлъ похитить, „толь горько плакала, что всякаго „привела бы въ жалость, и кричала изо „всей мочи: кто избавитъ меня отъ „сего гнуснаго и вѣроломнаго человѣ-„ка, тотъ будетъ моимъ супругомъ:

„я даю въ томъ мое вѣрное слово. „Хотя Оруженосецъ не имѣлъ при „себѣ ни щита, ни шлема, ни ланца; „однако онъ не оробѣлъ и побѣ„жалъ съ однимъ своимъ мечемъ на „встрѣчу великану, крича ему: под„лецъ и нечестивецъ, ты не похи„тишь сей дѣвицы; и потомъ началось „между ими жестокое сраженїе, а „Мервелїя находясь въ великомъ стра„хѣ, производила ужасной вопль. Ве„ликанъ вооруженъ былъ стальною „палицею, и думалъ однимъ махомъ „раздробить ею въ мѣлкїя части „Рыцаря, которой будучи легокъ и „проворенъ подошелъ подъ тяжкую „его палицу, и наконецъ прокололь „гнусное сердце сего втораго Поли„фема, и убилъ его. Мервелїя по осво„божденїи своемъ принесла благода„ренїе Богу и своему избавителю, и „сказала: храбрый Оруженосецъ, я „обѣщалась взять супруга, когда ви„дѣла себя при вратахъ поносной „смерти. Но неужли ты пожелаешь „воспользоваться симъ несчастливымъ „приключенїемъ? Никакъ, Государыня „моя, отвѣчалъ Оруженосецъ, я воз„вращаю тебѣ твое слово, и не хочу

„быть твоимъ другомъ и супругомъ
„безъ полнаго твоего согласія; Мер-
„велія со вниманіемъ на него смо-
„трѣла. Онъ продолжалъ: Государы-
„ня моя, я не требую отъ тебя ни
„какого другаго награжденія за твое
„освобожденіе, какъ только позволе-
„нія, чтобъ всегда тебя любить, и
„вѣчно называться твоимъ невольни-
„комъ; клянусь тебѣ, что ты никогда
„не найдешь другаго такого человѣка,
„которой бы тебѣ болѣе былъ пре-
„данъ, и любилъ тебя толь искрен-
„нею и честною любовію. Тогда сія
„Госпожа бросившись въ его обьятія:—
„Довольно опытовъ, довольно; нѣтъ,
„я не хочу имѣть никого моимъ дру-
„гомъ и супругомъ, кромѣ тебя; ты
„знаешь, что есть любовь; я не спра-
„шиваю тебя, кто ты: знатной уже
„тотъ породы, кто столько честенъ
„и влюбленъ. Оруженосецъ восхищаясь
„отъ радости, палъ къ ногамъ Мер-
„вельи: — Кто я... ахъ! развѣ на-
„званіе твоего возлюбленнаго не есть
„превыше всѣхъ титловъ? Но когда
„тебѣ угодно, то я обьявляю, что
„я сынъ Короля Норвежскаго. Я не
„хотѣлъ обязаннымъ быть знат-

,,ности и Царскому Величеству сча-
,,стїемъ тронуть сердце благородной
,,и прекрасной дѣвицы; я старался ей
,,понравиться и удостоится ея благо-
,,склонности собственными своими за-
,,слугами и любовїю. Ну, другъ мой,
,,начала говорить Мервелїя прїят-
,,нымъ, но важнымъ голосомъ, поз-
,,най теперь и ты, кто твоя прїя-
,,тельница и супруга: оглянись на-
,,задъ. Оруженосецъ оглянулся: и уви-
,,дѣлъ себя въ великолѣпномъ замкѣ,
,,блистающемъ златомъ, слоновою
,,костїю и драгоцѣнными каменьями.
,,Онъ хотѣлъ засвидѣтельствовать
,,Мервельи свое удивленїе, которая
,,сидѣла на престолѣ, вся украшен-
,,ная алмазами и яхонтами, и бы-
,,ла такъ прекрасна, какъ Аврора;
,,она простерла къ нему правую руку,
,,произнося слѣдующїя слова: гряди,
,,возлюбленный мой, раздѣлить сей
,,престолъ съ тою, которая толико
,,тебя любитъ; ты сынъ Самодержавна-
,,го Государя, а я, я есмь благодѣтель-
,,ная Фея, какъ ты увидишь. Я такъ
,,же хотѣла, какъ и ты, познать ис-
,,тинныя утѣхи любви, и быть люби-
,,мою единственно для самой себя: и по-

,,тому приняла на себя видъ нѣкото-
,,рой родственницы Королевы Ирланд-
,,ской. Я желала подвергнуть тебя раз-
,,нымъ искушенïямъ, чтобъ испытать
,,твое постоянство: но я совершенно
,,удовлетворена. И такъ носи всег-
,,да на себѣ прïятное имя Оруженосца
,,Любви, и я вручаю тебѣ съ сердцемъ
,,моимъ руку мою и всю власть мою;
,,сïя награда по всему тебѣ принадле-
,,житъ. Оруженосецъ не зналъ, мечта
,,ли ето или волшебство было; онъ
,,сочетался бракомъ съ феею: любовь
,,ихъ отъ часу возрастала, и съ тѣхъ
,,поръ сей Оруженосецъ Любви сдѣлал-
,,ся образцемъ честныхъ Рыцарей, и
,,вѣрныхъ любовниковъ; что подало
,,поводъ къ симъ достопамятнымъ
,,стихамъ:

,,Кто не лицемѣрно любитъ,
,,Награда того ожидаетъ.

Вотъ, Государь, продолжалъ Рибомондъ, хорошïй примѣръ къ подражанïю. Хотя сïя бездѣлица ни что иное есть, какъ сказка; но она заключаетъ въ себѣ ту не оспоримую истинну, что сердца женскïя должно прïобрѣ-

тать ласкою и честностію; а такой храбрый Рыцарь, какъ ваше Величество, не можетъ иначе мыслить и дѣйствовать. — Другъ мой, твой Оруженосецъ Любви былъ счастливѣе меня; онъ понравился феѣ, а я очень опасаюсь, чтобъ Госпожа Салисбури не возъимѣла отвращенія къ своему Самодержцу, котораго не могли бы побѣдить ни время, ни постоянство.

Приключившееся на балѣ нанесло новые удары наичувствительнѣйшему сердцу: Госпожа Салисбури возвратившись къ своей пріятельницѣ, свободно проливала въ объятіяхъ ея обильныя слезы: — Милая моя Мали, я пропавшая на свѣтѣ женщина, не стало уже во мнѣ ни твердости, ни разсудка, и я едва до тебя дотащилась; Король самый опаснѣйшій изъ любовниковъ, но и самый достойнѣйшій любви; повѣришь ли ты, чтобъ онъ былъ на семъ балѣ, гдѣ я его не ожидала? ахъ! колико достоинъ показался онъ мнѣ сей несчастной привязанности, все мое спокойствіе разрушающей? Мали, какъ мнѣ отъ него изба-

вишься? как мнѣ избавится отъ самой себя? увы! я сама себѣ лютѣйшій врагъ. Исторгни меня изъ сего жилища, и увези въ какое нибудь уединенное мѣсто, кудабъ и самое имя Эдуардово не могло достигнуть: что я говорю несчастная? развѣ сіе имя не начертано во глубинѣ моего сердца? изображеніе его не со мною ли останется? оно всюду за мною слѣдовать будетъ.

Варукцій пришелъ нѣкоторымъ утромъ къ Королю, и требовалъ у него тайной аудіенціи; его ввели къ нему въ кабинетъ: — Государь, я получилъ письма отъ Графа Генегавскаго, и не скрою отъ васъ, что онъ удивляется медленности вашего брака. Эдуардъ измѣнился въ лицѣ; Лордъ сіе примѣтилъ: — Чѣмъ же можетъ смущать ваше Величество сіе извѣстіе? я примѣтилъ на лицѣ вашемъ знаки холодности, и, осмѣливаюсь сказать, отвращенія къ сему браку, совершенія котораго вся Англія съ нетерпѣливостію ожидаетъ, что сами ваше Величество должны чувствовать. — Варукцій, Государи не разнствуютъ отъ

прочихъ человѣковъ: каждый имѣетъ свое сердце, а мое . . . мое снѣдается страстїю, которая заставляетъ меня чувствовать, что величество и слава недостаточны къ содѣянїю насъ благополучными. — Какъ! Государь, неужли вы обратили взоръ свой на другой предмѣтъ, и нарушите ваше Королевское слово? развѣ незнаете вы, что, если обязательства священны для всѣхъ человѣковъ, то кольми паче онѣ священнѣе для Государей? Вы говорите мнѣ о любви, Государь: но сїя ли страсть должна обладать Самодержцами? они подвержены политикѣ; и оная требуетъ, чтобъ вы поспѣшили вручить вашу руку Принцессѣ Филиппѣ. — Милордъ, ежели бы ты зналъ, какая красота воспламенила меня при Дворѣ моемъ, то не спѣшилъ бы такъ симъ союзомъ. — Я только знаю, Государь, вашу пользу и честь: все сїе сопряжено съ бракомъ, толь съ давнаго времени намѣреваемомъ Королевою вашею родительницею, и я не престану, осмѣливаюсь сказать, представлять вамъ ваши должности. Простите откровенность престарѣ-

лаго слуги; нѣтъ, повторяю я, никакой причины откладывать далѣе сего гимна. — Никакой причины, Варукцій? конечно старость прохладила твои чувства. — Государь, я горю желанїемъ болѣе нежели когда либо служить вамъ; но неужли вы будучи толь великимъ, толь великодушнымъ, запретите мнѣ говорить вамъ истинну? и честь моя требуетъ, чтобъ я представлялъ вамъ ее во всей ея силѣ: если сей бракъ не совершиться, то вы огорчите тѣмъ сильнаго Государя, его брата (*), которому обязаны благодарностїю, огорчите народъ свой;

(*) Іоаннъ Генегавскій, братъ Филиппа, Графа Генегавскаго, тронутый несчастїями Изабеллы матери Эдуарда III, которая приѣзжала просить помощи отъ Графа, ревностно вступился за сїю Государыню. Іоаннъ преисполненъ былъ благороднымъ рыцарскимъ фанатизмомъ, и горѣлъ желанїемъ обнажать мечь свой для защищенїя *женщинъ*; онъ собралъ множество дворянъ отличныхъ своимъ родомъ и мужествомъ; и сей то не большой корпусъ, простиравшейся въ началѣ не болѣе какъ до двухъ тысячь воиновъ, произвелъ своею храбростїю великую перемѣну въ Англїи, и возвелъ на

вы измѣните самому себѣ, Государь; вспомните, что вы Король, и притомъ Король Аглинской; и я говорю Эдуарду, которой и безъ блеска престола достоинъ бы былъ нашего почтенія и удивленія. — Мы послѣ о семъ поговоримъ, Варукцій, и ты узнаешь мои намѣренія. Оставь меня.

3

престолъ младаго Валлійскаго Принца, Эдуарда III. Нельзя описать до какой степени духъ рыцарства возносилъ человѣка превыше самаго себя. Я подтверждаю: желательно бы было, чтобъ какой нибудь искуснѣйшій писатель начерталъ намъ живую картину тѣхъ сіяющихъ дѣйствій, которыя произвело сіе славное учрежденіе, и которыхъ собраніе полезно бы было нашему благородному юношеству, въ которомъ сіе чтеніе возбуждало бы храбрость, и насаждало благонравіе. Нѣтъ наставленій, которыя бы не требовали примѣровъ. Одинъ знакъ есть превыше всѣхъ правилъ. Взгляните на дикихъ, и увидите, что они только потому поступаютъ, что видятъ. Нѣкогда у Корсовъ, одна мать хотѣла отмстить смертоубійцѣ своего мужа: она только показала своему сыну окровавленную рубашку отца его, и сіе болѣе произвело дѣйствія, нежели всѣ слова сей женщины.

Эдуардъ велѣлъ призвать Трусселя: — Я лишь теперь видѣлъ Лорда Варукція, и хотѣлъ ему говорить о его дочери, и о любви, которую не могу преодолѣть: но не понимаю, что меня удерживало изъясниться. . . Сей человѣкъ имѣетъ такую непреклонность, которую я почитаю, и которая однако мнѣ не нравиться; добродѣтель его, нѣкоторымъ образомъ, меня безпокоитъ: неужли ни что его прельстить не можетъ? онъ упорно представлялъ мнѣ, чтобъ я немедлилъ бракомъ для злополучія моего опредѣленнымъ. Труссель, сходи къ нему отъ моего имяни, и обѣщай ему . . . всѣ богатства, и самыя блистательнѣйшія мѣста; лишь бы онъ уговорилъ свою дочь показаться при Дворѣ: представь ему, что онъ всего можетъ ожидать отъ своего Самодержца. — И вы вѣрите, Государь, сей непоколебимой твердости? изчезнетъ оная предъ блескомъ величества. И изъ сихъ высокомѣрныхъ мыслей, которымъ ваше Величество удивлятся изволите, воспослѣдуетъ то, что Варукцій положитъ за свое снисхожденіе самую вы-

сокую цѣну, чего не надлежало бы ему дѣлать; долгъ нашъ, Государь, состоитъ въ томъ, чтобъ вамъ повиноваться, и во всемъ вамъ угождать: можемъ ли мы иначе мыслить? А вы удостоили слушать онаго Француза! развѣ невѣдаете вы, что сїя нацїя чванится странностїю, и нѣкоторымъ родомъ щегольства, которое ничто иное есть, какъ злоупотребленїе любви? кажется, что ихъ Короли суть только простые Рыцари, толь они прилеплены къ сей мнимой чести, отъ которой истинные Монархи могутъ освободиться, естли она противна ихъ изволенїямъ или ихъ пользамъ! Я осмѣливаюсь вамъ отвѣчать, и не думаю, что безразсудно утверждаю, что Варукцїй первый будетъ принуждать свою дочь, чтобъ она не укрывалась болѣе отъ вашихъ взоровъ.

Труссель прїѣхалъ къ Лорду, и требовалъ съ нимъ говорить: Варукцїй при всемъ своемъ отвращенїи, которое имѣлъ къ сему подлому придворному, не могъ не допустить его къ себѣ; онъ могъ присланъ быть отъ Короля, а Лордъ весьма отдаленъ былъ отъ того, чтобъ нарушить поч-

шенїе къ своему Самодержцу; строгая добродѣтель сугубо священнѣе содѣлываетъ для насъ то повиновенїе, которымъ мы обязаны нашимъ начальникамъ. Труссель употребляетъ все свое краснорѣчїе, чтобъ показать, что было предмѣтомъ его посѣщенїя; Лордъ слушалъ его съ хладнымъ и даже презрительнымъ вниманїемъ, и наконецъ началъ говорить: — Милордъ, вы очень ясно изъяснились: Король любитъ мою дочь, а вы убѣждаете меня, чтобъ я уговорилъ ее согласится на желанїя ея Государя. Вы не совсемъ понимаете меня, прервалъ Труссель. Милордъ, не въ томъ только состоитъ сказанное мною. Можно обращаться въ свѣтѣ не повреждая своей чести. . . . Уже болѣе пятидѣсяти лѣтъ вы живете при Дворѣ, и я не не знакомымъ языкомъ вамъ говорю; впрочемъ, надобно вамъ рѣшиться: какой же отвѣтъ понесу я къ Королю? — Я тотчасъ самъ къ нему буду. — И такъ вы не хотите. . . . — Не для чего намъ больше говорить; его Величество узнаетъ. . . . Милордъ, будте увѣрены, что я исполню мой долгъ.

Труссель спѣшилъ отдать отчетъ

Эдуарду въ разговорѣ своемъ съ Варукцїемъ.

Несчастный отецъ находился въ прежалостномъ состоянїи. Эдва потерялъ онъ изъ виду Трусселя, какъ упалъ на стулъ, какъ бы скошенный силою нѣкоего удара; онъ долгое время былъ безмолвенъ; и потомъ началъ говорить: — И такъ вотъ за чемъ требовалъ Эдуардъ видѣть дочь мою при Дворѣ, и хотѣли, чтобъ самъ отецъ . . . единое помышленїе умерщвляетъ меня съ печали и стыда. Нѣтъ, Эдуардъ не способенъ къ тому, чтобъ требовать сего подлаго и предосудительнаго снисхожденїя. Это тотъ гнусный развратитель Двора утвердилъ Короля въ сей страсти, о которой ему и мыслить не должно. . . Но не извѣстна ли и Аликса о Монарховой слабости? посмотримъ; постараемся узнать истинну, не употребляя родительской власти . . . конечно дочь моя не имѣетъ участїя въ сей любви; она не можетъ имѣть других чувствованїй кромѣ тѣхъ, кои внушаетъ честь и добродѣтель. А ежели она виновна . . , о злополучный отецъ! тебѣ ничего не осталось бы

дѣлать, какъ умереть, но и то поздно бы уже было.

Эдуардъ ожидалъ Варукція не терпѣливо. Онъ былъ въ великомъ волненіи и гнѣвѣ; и въ семъ состояніи находитъ его Рибомондъ, которой пришелъ укрощать его, и представить ему его должности. Страсть Монархова оказалась тогда во всей своей силѣ: — Я обожаю Госпожу Салисбури, не могу больше жить не обладая ею, и я не вотще буду носить имя Короля . . . Безчестно для меня, чтобъ Французъ пріѣхавшій ко Двору моему, преподавалъ мнѣ наставленія . . . — Наставленія, Государь! я знаю все должное вамъ почтеніе, и не нарушилъ онаго: но, Государь, я дерзнулъ съ вами говорить такъ, какъ мы говоримъ съ нашими Самодержцами: мы любимъ ихъ, и любовь наша есть для нихъ залогомъ нашего повиновенія; наши Короли суть наши главнѣйшія Рыцари; естьли бы они въ состояніи были впасть въ какую нибудь слабость; они бы терпѣливо слушали истинну; не невольники имъ служатъ: а други, за славу почитающія проливать за нихъ до послѣдней капли кровь свою. Жу-

анвиль былъ достойный служитель Людовиковъ, и сей Государь не сердился на него, что сей храбрый Рыцарь былъ противнаго ему мнѣнія. Вы любите Госпожу Салисбури, и не можете получить, чтобъ она платила вамъ взаимною любовію . . . а вы хотите, чтобъ отецъ . . . Государь . . . Эдуардъ . . . великій человѣкъ, внемлите токмо вашему сердцу: оно не можетъ васъ заблудить. Не Французъ ли васъ любитъ, и чтитъ вашу славу, а Труссель подданный вашъ вамъ измѣняетъ, и васъ безчеститъ! . . Государь, Рыцарь съ вами говорилъ; я не могу вамъ льстить такъ, какъ придворные льстятъ. Я оставлю Лондонъ, если мое пребываніе здѣсь вашему Величеству не угодно: но послѣднее мое слово будетъ то, что Король Аглинскій не долженъ уподобляться прочимъ человѣкамъ, страстямъ своимъ порабощеннымъ; вы должны обуздывать ваши страсти; и сію преславнѣйшую побѣду надлежитъ вамъ одержать. Однако прежде, нежели я уѣду, Государь, буду просить у васъ единой милости. — Какой? Говори. — Чтобъ мнѣ позволено было сразиться съ тѣмъ

вѣроломнымъ, которой врагъ вашъ больше нежели вы думаете, и отмстить за Рыцарство. . . . — А кто это навлекъ на себя твою ненависть? — Возможно ли вамъ, Государь, меня о томъ спрашивать? при имяни вѣроломнаго, не познаете ли вы сего не достойнаго Рыцаря, Лорда Трусселя? — Что ты говоришь? — Подлинно, великїй Государь, желалъ бы я пронзить сердце сего человѣка, которой содержитъ васъ въ забвенїи самаго себя, которой скрываетъ отъ васъ истинну, которой славу вашу помрачаетъ, которой Эдуарда унижаетъ. . Ахъ! Государь, зрите лїющїися мои слезы: сїи слезы суть слезы почтенїя, и, осмѣливаюсь сказать, дружества; я Французъ: но обожаю вездѣ великихъ людей, гдѣ ихъ обрѣтаю; таковъ есть характеръ моей нацїи; вы достойны были всѣхъ моихъ жертвованїй, и я уже сказалъ вамъ, что по Королѣ моемъ, вы есть тотъ Монархъ, котораго я наиболѣе почитаю. Эдуардъ заплакалъ, и бросился въ обьятїя Рибомонда: — Великодушный Французъ, ты довольно мнѣ доказываешь, что твоя нацїя столько же достойна

почтенія, сколько она умѣетъ нравится; извини мою страсть . . . я сгараю отъ любви къ Госпожѣ Салисбури, а не могу снискать нималѣйшей со стороны ея благосклонности!

Съ Рибомондомъ Эдуардъ былъ тотъ Герой, которой, въ послѣдствіи покрытый сіяющею славою, былъ и нашъ (Французовъ) побѣдитель; но когда возвращался къ нему Труссель, тогда сей Монархъ показывалъ себя такимъ же слабымъ и уничиженнымъ, каковымъ явилъ себя въ послѣднія дни своего царствованія (*); подлый его развратитель не замедлилъ истре-

(*) Эдуардъ на преклонномъ своемъ вѣку, съ прискорбіемъ увидѣлъ, естьли можно такъ сказать, что счастіе ему измѣнило, и непріятели его оправились отъ своихъ уроновъ; а смерть его сына Валлійскаго Принца, называемаго Агличанами *смуглымъ Принцомъ*, сдѣлала его такъ задумчивымъ, что онъ отъ того въ скоромъ времени умеръ. Сей Монархъ, занимающій первое мѣсто между Королями Аглинскими, испыталъ всю превратность человѣческихъ мечтаній, такъ какъ и подлость и не благодарность придворныхъ; ибо предъ кончиною его, украли у него съ руки драгоцѣнной перстень,

бить тѣ благородныя впечатлѣнія, которыя произвелъ въ немъ Французскій Рыцарь. Эдуардъ, не терпѣливо желая видѣть Варукція, паки предался своей вспылчивости, порокъ, отъ котораго сей Государь никогда не могъ

и ни кого при немъ не осталось. Одинъ „только простый Священникъ (пишетъ „Рапинъ де Тоарасъ), случившійся тамъ „нечаянно, и видя его оставленнаго на „произволъ самаго себя при послѣднемъ его „издыханіи, приближился къ его постели, „чтобъ его утѣшать.„ Да гласитъ сіе зрѣлище въ пользу вѣры! и хотя бы преимущество ее въ томъ только состояло, чтобъ отверзать свои нѣдра несчастнымъ, сожалѣть о нихъ, и вспомоществовать имъ, то не достойнали бы она была почтенія истиннаго философа? кончина Эдуарда представляетъ самую разительную и поучительную картину. Подобныя сему изображенія могутъ содѣлывать чтеніе исторіи полезнымъ, а не оныя ложныя понятія, которыя преподаютъ намъ въ ней о величествѣ, славѣ и блескѣ; я громко осмѣливаюсь сказать, что исторія больше поспѣшествовала развращенію и заблужденію разума, нежели исправляла и просвѣщала оной; сколько бы Государи, и мужи превосходныхъ достоинствъ и дарованій дѣлали добра, естьли бы они

исправиться, и которымъ помрачается часть похвалы по истиннѣ ему должной.

Варукцій пришелъ къ своей дочери; онъ попросилъ Мали, чтобъ она вы-

---

слѣдовали своей натурѣ, и не старались подражать онымъ мнимымъ великимъ людямъ, которыхъ исторія намъ превозноситъ! Но такихъ историковъ, которые бы были при томъ и философы, сему несчастному человѣческому роду недостовало; философія должна быть основаніемъ разсудка, нравоученія и благополучія онаго. Ежели Г. Руссо Женевскій представилъ себѣ подъ сими вредными чертами, чемъ я упрекаю большую часть писателей, сію не зрѣлую громаду жалостныхъ разсужденій, очевидно ложныхъ правилъ, метафизическими именуемыхъ, и знаній; то справедливую имѣлъ причину возстать противъ наукъ; не злоупотребленіе невѣжества навлекаетъ такое развращеніе: но сіи же самыя науки, употребленныя къ тому, чтобъ начертывать намъ истинное понятіе о добродѣтели, и заставлять ее любить, суть безъ сомнѣнія дары неба достойныя нашего почтенія и благодарности, а упражняясь въ оныхъ, приближаемся мы къ тому высочайшему Существу, котораго мы суть подобія.

шла, и остался одинъ съ Графинею, которая не знала чему приписать смущенный видъ своего родителя; онъ сѣлъ, и велѣлъ Госпожѣ Салисбури сѣсть подлѣ себя. Посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени, началъ онъ говорить: я воспиталъ тебя въ такихъ правилахъ, которыя доселѣ и меня и тебя благополучною содѣлывали; я удостовѣренъ былъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, чтобъ не уступило добродѣтели, что она превосходитъ и богатства и достоинства, что надлежитъ всегда быть готовымъ, естьли бы обстоятельства потребовали, жертвовать ей своимъ счастïемъ и жизнïю; и что по Богѣ не имѣемъ мы другаго предмѣта нашей привязанности и нашихъ жертвованïй. Я пожилъ на свѣтѣ, дочь моя, и притомъ при Дворѣ. Правда, что я съ прискорбïемъ видѣлъ, что встрѣчаются случаи, въ которыя принужденъ бываешь отступить нѣсколько отъ той строгой системы, которой непорочная душа любитъ слѣдовать; однако, еслибъ не оказывали намъ почтенïя, существованïе наше было бы тяжкое бремя, и есть искуство пользоватся спосо-

бами, доставляющими намъ сїю не естественную жизнь, гораздо превосходнѣйшую той, которую мы отъ природы получили. Дочь моя, мы не для себя живемъ: но для всего, что насъ ни окружаетъ; милости Государя въ томъ мѣстѣ, въ которомъ мы обитаемъ, есть единая цѣль, къ которой всѣ желанїя стремяться. Какое вкушаемъ мы удовольствїе, что возбуждаемъ зависть, и что насъ почитаютъ на вершинѣ счастїя! Вотъ въ чемъ состоитъ придворное благополучїе, и мы всякую минуту извѣщены бываемъ о семъ благополучїи завистливыми роптанїями другихъ. Мы измѣряемъ, нѣкоторымъ образомъ, величїе наше паденїемъ нашихъ соперниковъ.

Графиня изумленная сими словами своего родителя, изьявила ему о томъ свое удивленїе: — Милордъ, признаюсь вамъ, что сїи выраженїя въ устахъ вашихъ совсемъ для меня новыя! Варукцїй еще нѣсколько времени разсматривалъ свою дочь, и продолжалъ свой разговоръ: я уже тебѣ сказалъ, что я довольно пожилъ на свѣтѣ, и что опыты излѣчили меня отъ того

энтузiасма, на которой придворные съ сожаленiемъ взираютъ. Искуство представляться на семъ блестящемъ театре, дочь моя, жадные всехъ взоры на себя обращающемъ, состоитъ въ томъ, чтобъ возвышаться за какую бы цену ни было, и заставлять ползать другихъ; судьба определяетъ тебе на ономъ такое место, которому будутъ завидовать все наши Ладiи; я приметилъ, что нашъ Монархъ тебя предпочтетъ... понимаешъ ли ты меня... бракъ его съ Принцессою Ганегавскою отложенъ... и можетъ быть отъ тебя единственно зависитъ, чтобъ видеть у ногъ своихъ Дворъ, и всю Англiю; счастiе тебя призываетъ, воспротивишься ли ты оному? — Что! неужли Милордъ Варукцiй согласился бы... нетъ, онъ не въ состоянiи унизиться до такой степени; а ежели бы моя несчастная участь ослепила сего толь добродетельнаго и толь достойнаго почтенiя отца, то я сама осмелилась бы обращать его на первыя его стези, приводить ему на память его наставленiя, и примеры его на веки въ сердце моемъ впечатленные... —

Дочь моя! развѣ ты чувствуешь въ себѣ столько силъ, чтобъ попрать ногами сей блескъ, тебя ожидающій... принести все въ жертву добродѣтели? ... умереть для нее? — Можете ли вы въ томъ сомнѣваться, родитель мой? и неужли думаете, что дочь ваша поколеблется? лучше стократно лишиться жизни.... Варукцій всталъ съ восторгомъ, и бросился въ обьятія Госпожи Салисбури: — Обними меня, Аликса, дочь моя, дражайшая дочь! и такъ ты достойна твоего отца! — Что ето такое упало? о небо! кинжалъ, родитель мой... выпалъ у васъ! — Я его взялъ . . . чтобъ тебя имъ поразить, и заклать самого себя на біющемся твоемъ тѣлѣ, ежели бы не обрѣлъ моей дражайшей Аликсы, дочери, которая будетъ утѣшеніемъ и честію моей старости; какъ ты хорошо знала своего отца, когда не могла и подумать, чтобъ онъ въ состояніи былъ унизиться! И такъ нечего мнѣ опасаться, Аликса; намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобъ тебя испытать, и дать тебѣ понятіе о семъ поврежденномъ свѣтѣ; а естьли бы дочь моя поколебалась, то я

тебѣ сказываю, что я сдѣлался бы ея убійцею, и смерть моя послѣдовала бы за ее смертію: но я могу положиться на твою добродѣтель. Познай же величайшее для насъ и для Государства несчастіе: Король намѣренъ былъ жениться на Принцессѣ Генегавской, а ты входнула въ него страсть... ты блѣднѣешь!

Госпожа Салисури повергласъ къ ногамъ Варукція: — Милордъ, познайте вашу дочь, и всѣ мученія ее обремѣняющія; читайте въ семъ сердцѣ, которое летитъ встрѣтить ваши удары; увы! родитель мой, вы будете моимъ благодѣтелемъ, ежели исторгнете жизнь мою. Вѣдайте, что я не неизвѣстна о Королевской любви, что онъ ко мнѣ писалъ, что онъ со мною говорилъ, что душа моя... — Развѣ ты имѣешь къ твоему Государю другія чувствованія, кромѣ чувствованій почтенія и благодарности? Наинѣжнѣйшую страсть, родитель мой, отвѣтствовала Графиня, проливая токи слезъ. — Что ты говоришь, несчастная? — Такъ, родитель мой, такъ, Милордъ, наисильнѣйшая любовь меня

терзаетъ; и сїя любовь вмѣстѣ со мною на свѣтъ произошла! сердце мое предъупредило признанїе нашего Монарха. . . . вы съ негодованїемъ на меня взираете? умѣрьте гнѣвъ вашь; хотя я была слаба; однако преодолѣвала свою слабость; я всегда показывала себя вашею дочерью; я отвергнула Королевскїя желанїя, и состоянїе моего сердца ему неизвѣстно. Вотъ что принуждало меня уединиться . . . вотъ что причинитъ мнѣ смерть . . . конечно, Эдуардъ есть мой Повелитель: я чувствую ето по власти, которую онъ имѣетъ даже и надъ моимъ разсудкомъ: родитель мой, сей разсудокъ уже меня не подкрѣпляетъ, онъ меня совсемъ оставляетъ, и я снѣдаюсь наижесточайшею печалїю: но я васъ увѣряю, что вы не будете имѣть причины стыдится, что даровали мнѣ жизнь, что никогда Эдуардъ . . . всякой клятвы, родитель мой, можете вы требовать; и сїя любовь, которой я есмь добыча, не восторжествуетъ. Что я говорю? неужли мнѣ ненавидѣть Короля. . . . — Что ты вымолвила, Аликса! нѣтъ, не ненавистїю надлежитъ тебѣ побѣждать склонность, кото-

рую не тебѣ должно производить и питать: но поведенїемъ благороднымъ, постояннымъ и кроткимъ обратишь ты Государя къ должностямъ его, и исполнишь свои; я не намѣренъ входить въ подробности сей безумной и предосудительной страсти; я увѣренъ... что ты всегда будешь меня достойна: я полагаюсь на тебя столько же, сколько на самаго себя: болѣе съ тобой говорить нечего; прости. Король узнаетъ, чего долженъ онъ отъ насъ ожидать.

Графиня велѣла позвать Мали, которая обрѣла ее умирающею и утопающею въ слезахъ: — О единая моя прїятельница! прими послѣднїя мои дыханїя; родитель мой все знаетъ, что Эдуардъ меня любитъ, что онъ взаимно любимъ, что я никогда неизмѣню моей добродѣтели . . . что я умираю, Мали; эхъ! какъ можно защищаться противъ сихъ приступовъ! родитель мой пошелъ къ Королю; какїя новыя бѣдствїя воспослѣдуютъ изъ сего свиданїя!

Варукцїй предсталъ предъ Эдуарда, которой приказалъ своимъ придвор-

нымъ удалиться: — Варукцій, тебѣ все извѣстно: чегожь я долженъ ожидать отъ твоего снисхожденія . . . твоей дружбы ко мнѣ? дочь твоя . . . — Государь, я лишь теперь съ нею говорилъ, и она мнѣ открыла свое сердце. — Не ненавидитъ ли она меня? — Аликса съ удовольствіемъ воздаетъ все должное вашему Величеству почтеніе, и старается даже превзойти своимъ повиновеніемъ и усердіемъ всѣхъ вашихъ подданныхъ: но дочь моя, Графиня Салисбурская, неможетъ быть соперницею Принцессы Генегавской, и не имѣетъ такого достоинства, какъ ваша супруга. . . Я повергаю къ стопамъ вашимъ главу престарѣлаго служителя, которой вспомоществовалъ вамъ своею храбростію, своими совѣтами . . . и которой не страшиться смерти. — Что я слышу? — Истинну, Государь, истинну, которую стараются отъ васъ скрывать, и которая говоритъ вамъ моими устами . . . ахъ! великій Государь, ахъ! Повелитель мой, неужли вы потребуете . . . — Неблагодарный! ты оскорбляешь твоего благотворителя, и будешь за то наказанъ . . . — Нѣтъ,

Государь, я не оскорбилъ васъ: но я долженъ показать вамъ ваше заблужденіе, и представить, что вы помрачили бы вашу славу, предавшись такой любви . . . которая бы обоихъ насъ обезчестила, Государь; я могу пожертвовать вамъ моею жизнїю, но честїю. . . . — Вѣроломный, безсомнѣнно ты поощряешь и дочь свою оказывать ко мнѣ презрѣніе. . . — Государь, я только училъ мою дочь васъ почитать; правда, я ей говорилъ, чтобъ она не слушала признанія, котораго не должна она принимать. А поелику я виновенъ предъ очами вашего Величества, то да будетъ вамъ извѣстно все мое преступленіе: не было мнѣ нужды давать наставленія Госпожѣ Салисбури въ томъ, что ей дѣлать надлежало; она довольно тверда и безъ оныхъ въ своей добродѣтели; я ее разспрашивалъ, и узналъ всѣ тайности ея души; и естьли бы я нашелъ ее не достойною своего рожденія, то исполнилъ бы мой долгъ, Государь: кинжалъ былъ готовъ: я вонзилъ бы его въ ея сердце, и въ мое. — Дерзскій, и ты отваживаешся со мною такъ говорить! весь гнѣвъ мой. . . — Государь, я уже

сказалъ вашему Величеству, вотъ моя голова. Я прожилъ свой вѣкъ, и скоро буду не въ состоянiи вамъ служить: чтожъ мнѣ нужды въ нѣсколькихъ дняхъ, которые осталось мнѣ жить? Покрайней мѣрѣ я умру увѣреннымъ, что дочь моя не престанетъ любить своего отца и свою честь. Разпредѣляйте моимъ жребiемъ: не Самодержецъ ли вы мой? — Конечно, варваръ . . . я хотѣлъ быть твоимъ покровителемъ . . . твоимъ другомъ. . . но ты принуждаешь меня показать тебѣ мое могущество . . . ну! ты увидишь оное: вели, чтобъ дочь твоя тотчасъ явилась ко мнѣ, или тебя повлекутъ въ темницу. — Въ темницу, Государь; я сей часъ самъ туда пойду. — Какая оскорбительная дерзость! гей, караульные, чтобъ отнынѣ Варукцiй заключенъ былъ въ темницу.

Рибомондъ взошелъ съ стремленiемъ: — Что я видѣлъ, Государь? — Наказанiе должное оскорбленному Величеству; не говорите мнѣ больше: мнѣ уже наскучило употребленiе кротости. Не ты ли заставилъ меня унизиться до того, чтобъ ползать

у ногъ женщины! сїя слабость свойственна однимъ только Французамъ. Рибомондъ, оставь мои области; возвратись въ свое отечество съ симъ не принимаемымъ здѣсь фанатизмомъ *любви*; и оставь намъ сей характеръ, которой осмѣливаешся ты называть лютымъ; я хочу быть . . . сущимъ варваромъ. . . . — Нѣтъ, Государь, вы не будете варваромъ; я чрезмѣрно вамъ преданъ, и не оставлю васъ на произволъ самаго себя въ толь великомъ ожесточенїи, котораго вы сами стыдиться будете; эхъ! что вы здѣлали? лишили вольности Министра, вѣрнаго подданнаго, престарѣлаго человѣка, отца . . . а за какое преступленїе? . . . освободите сего несчастнаго, и да загладятъ ваши сугубыя благодѣянїя сїю учиненную вами не справедливость. . . . Ахъ! Государь, съ Эдуардомъ ли я имѣю честь говорить! Эдуардъ ли обремѣняетъ оковами Варукцїя! . . . Вы кажетесь тронутыми!

Труссель прибѣжалъ: — Государь, Варукцїй произноситъ жалобы и угрозы: онъ хотѣлъ писать письмо къ своей дочери; но я ему въ томъ воспре-

пятствовалъ. — Рибомондъ, слышишь ли? доколѣ же ты не престанешь питать сїю Французскую слабость, которою хочешь заразить мою душу! Я буду Агличаниномъ; буду Королемъ, и накажу всѣхъ тѣхъ, кто дерзнетъ бороться съ моимъ могуществомъ. — Что! Государь, подлый Труссель . . . Рыцарь, прервалъ сей гнусный придворный, развѣ вы забыли, гдѣ вы? Какъ я не долго пробуду въ Лондонѣ, сказалъ ему Рибомондъ, то ласкаюсь, что вы выѣдете на то мѣсто, которое я вамъ назначу. При Королѣ вызовъ на поединокъ, отвѣчалъ Труссель! Рибомондъ, рѣкъ Монархъ, ты нарушаешь ко мнѣ почтенїе; мнѣ несносна твоя гордость; сїи высокомѣрные Французы только почитаютъ Королями своихъ Самодержцевъ. . . удались съ глазъ моихъ, и предлагай поединки внѣ Англїи своимъ согражданамъ. (Рыцарь хотѣлъ отвѣчать.) Удались, говорю я тебѣ, или ты принудишь меня дать тебѣ почувствовать мою власть. (Рибомондъ удалился преисполненный негодованїя) Труссель, я хочу только твоимъ совѣтамъ слѣдовать: ты одинъ стараешся мнѣ угождать; слу-

жи моей ярости, или паче сказать любви моей: приведи Госпожу Салисбури сюда; она выслушаетъ мою нѣжность, или мщенїе мое обремѣнитъ отца, дочь, самое дочь... я совсемъ себя не познаю... пагубная страсть! какое пламя ты возжгла въ моей груди! сїе пламя всего меня пожираетъ.

Госпожа Салисбури явилась, въ какомъ же состоянїи! какое зрѣлище для любовника, которой уже не въ состоянїи былъ удержать своихъ восторговъ! Прекрасные ея волосы, небрежно лѣжащїя по алебастровой груди, очаровательныя глаза, орошенныя слезами, и глубокая печаль начертанная на челѣ ея, одушевляли ея красоту: и въ семъ видѣ предстала Графиня къ Королю: она бросилась къ ногамъ его, и заливаясь слезами: — Государь... Государь... возвратите мнѣ моего родителя; я обнимаю ваши колѣна... и умру здѣсь, Государь! Эдуардъ пораженъ будучи толикими прелестями, поспѣшно ее поднялъ, и велѣлъ Госпожѣ Салисбури сѣсть: — Извините, Государыня, отчаянїе любовника, ко-

тораго вы принуждаете употребить власть, когда онъ только желалъ пользоваться правами наисильнѣйшей любви: но ваша не чувствительность и гордость незнаютъ никакой пощады. Извѣстно вамъ, что первые ваши взоры возжгли въ душѣ моей огнь, которой я самъ старался потушать при жизни вашего супруга. Я повиновался тому, чего требовало обязательство, несказанное мученіе мнѣ причинявшее. Но теперь Салисбури въ мертвыхъ, и хотя вы уже не можете противополагать мнѣ сей тиранской вѣрности, каковой требуетъ бракъ, однакожъ отказываете и въ томъ удовольствіи, чтобъ васъ видѣть, и читать въ вашихъ очахъ!... вы одними слезами мнѣ отвѣтствуете! — Эхъ! Государь, чемъ же мнѣ больше защищаться, какъ не слезами... но онѣ васъ не трогаютъ! — Онѣ меня не трогаютъ! можете ли вы, Государыня, сомнѣваться въ той власти, которую имѣете надъ моимъ сердцемъ? ахъ! сіи слезы наижесточайшую боль въ ономъ причиняютъ. Я ни чего больше отъ васъ не требовалъ, какъ только благодарности, и чтобъ вы сжалились

надъ пламеннѣйшею любовію меня снѣдающею. Прекрасная Салисбури, я уже не въ силахъ предписывать законы сей страсти, которой вы толикою не благодарностію воздаете. — Нѣтъ, Государь, нѣтъ, я не неблагодарна; ежелибъ душа моя была вамъ открыта!... Государь; я опять повергаюсь къ ногамъ вашимъ: родитель мой въ оковахъ... — Онъ будетъ свободенъ; я возвращу ему его достоинство, мою милость и дружбу; и по Эдуардѣ онъ будетъ управлять Англіею; я даю вамъ въ томъ мое слово: чегожъ вамъ больше надобно? но чтобъ дочь его... — Государь, не договаривайте; я избавлю васъ отъ такого изъясненія, которое бы помрачило вашу славу, и обьявляю вашему Величеству, что я не искуплю свободы отца моего за такую цѣну, которая заставила бы насъ всѣхъ троихъ краснѣть; онъ и самъ отрекся бы отъ своей дочери, естьли бы я предпочла сію свободу чести, которую какъ отецъ, такъ и дочь не престанутъ сохранять до послѣдняго ихъ дыханія; и буде потребны вамъ жертвы... то мы будемъ оными, Государь. — А куда же

вы идете, Государыня моя? останьтесь, останьтесь здѣсь. И такъ я тиранъ, варваръ, утѣшающійся вашими слезами, и желающій принести себѣ въ жертву Лорда Варукція, васъ . . . васъ, которую обожаю, которой покланяюсь, и которая царствуетъ надъ всѣми моими чувствами! . . . ахъ! Государыня . . . ахъ! жестокая! не употреби во зло сихъ пламенныхъ восторговъ; помыслите . . . что я все въ состоянїи сдѣлать, и что чрезмѣрная любовь смежна съ чрезмѣрнымъ гнѣвомъ: вы знаете Эдуарда, и горячность его нрава, если онъ раздраженъ: трепещи . . . твой отецъ . . . — Государь, что касается до родителя моего, то ему ничего больше дѣлать не осталось, какъ лишиться жизни, и естьли бы его горячность ко мнѣ его не удерживала, то можетъ быть онъ уже предъупредилъ бы вашу несправедливость; такъ, вашу несправедливость: я громко произношу сїе слово, и къ вамъ же самимъ обращаюсь съ моими жалобами. Какое сдѣлалъ преступленїе мой отецъ, достойный служитель, посвящавшїй вамъ всѣ минуты своей жизни, и которой ко-

нецъ преисполнили вы горестїю? Единое помышленїе въ ужасъ его приводитъ . . . Государь, я не буду останавливаться на сей картинѣ. Мнѣ не нужны были совѣты родительскїе, чтобъ любить добродѣтель, и исполнять свой долгъ: я знаю все, что оный на меня налагаетъ . . . а ежели бы сердце мое было чувствительно къ сей любви, которая есть причиною всѣхъ моихъ несчастїй, то дочего довела бы меня моя слабость? Государь, развѣ позволено мнѣ васъ любить? да и по какому праву? престолъ принадлежитъ Принцессѣ Генегавской. Эхъ! не къ любви вашей, но къ вашему сострадонїю и человѣколюбїю прибѣгаю я съ моими прозьбами, чтобъ вы даровали свободу моему родителю; и я уѣду окончить дни свои съ нимъ въ какое нибудь не извѣстное мѣсто, отдаленное отъ Двора и отъ васъ . . . отдаленное и отъ васъ! Я только буду воспоминать ваши милости, и забуду тѣ бѣдствїя, которые вы намъ причиняете . . . Вы, Государь, виновники моихъ слезъ! . . — Обожаемая Салисбури, и такъ вы единую токмо свою добродѣтель мнѣ противополагаете! желанїя мои не не-

нравились бы вамъ, ежелибъ вы были мнѣ равны! . . . — Эжелибъ я была равна, Государь . . . возвратите мнѣ Лорда Варукція, и позвольте, чтобъ я васъ убѣгала.

Нѣтъ, воскликнулъ Эдуардъ, бросившись къ ногамъ Госпожи Салисбури, вы не будете меня убѣгать. Владычица души моей, обладательница жизни моей, я хочу безпрестанно васъ видѣть, васъ обожать и говорить вамъ о моей нѣжности. Прелестная Салисбури, осушите ваши слезы; вы скоро познаете вашего Короля, вашего любовника, любовника наипреданнѣйшаго . . . вы увидите, достоинъ ли Эдуардъ быть любимымъ. — А родитель мой, Государь? — Я опредѣлю его судьбу, и вашу . . . въ одну минуту . . . не уходите отъ сюда . . . подождите здѣсь . . . — Государь, какое же предпріяли вы намѣреніе? — Чтобъ доказать вамъ мою любовь, которая уже не будетъ вамъ противна: оставте весь вашъ страхъ: тотъ, кто васъ любитъ, не долженъ тревожить вашу добродѣтель.

Монархъ поспѣшно вышелъ, и оставилъ Госпожу Салисбури одну, и погруженную въ безчисленныя другъ другу противныя размышленія. Встрѣчались такія минуты, что она предавшись своей страсти, обманывалась лестными мѣчтаніями: но будучи непоколебима въ своей добродѣтели, скоро усматривала погибель Лорда Варукція, и свою собственную: и она готова была лутче пожертвовать своею жизнію, нежели сдѣлать самомалѣйшій предосудительной своей чести поступокъ.

Отецъ ея, находясь въ темницѣ, весьма отдаленъ былъ отъ того, чтобъ печалиться о своемъ несчастіи, и утверждалъ себя въ великодушномъ намѣреніи, чтобъ опровергать склонность Монархову; честь его запрещала ему даже и думать въ семъ случаѣ, чтобъ унизить себя самомалѣйшимъ снисхожденіемъ, и почиталъ себя обязаннымъ поспѣшать бракомъ Королевскимъ съ Принцессою Генегавскою. Смерть, говорилъ онъ, своимъ пріятелямъ, которые его навѣщали, ни мало меня не устрашаетъ; я позналъ ничто-

жество веселій, человѣческихъ почестей и жизни, и испыталъ, что единая токмо добродѣтель, нѣкоторымъ образомъ, переживаетъ насъ самихъ. Коль счастливъ тотъ, кто не имѣетъ причины ни чемъ себя укорять! я люблю моего Государя; сожалѣю о немъ, и увѣренъ, что онъ раскается. Коль скоро страсть его погаснетъ, я представлю ему его великодушіе: душа его справедлива, благородна, и способна познать свои погрѣшности, и оныя загладить. Да пребудетъ моя дочь на всегда достойною меня! сего единственно я нынѣ желаю. Можетъ ли она позабыть первыя свои лѣта, и примѣры почерпнутыя ею въ нѣдрѣ своей фамиліи? . . . она въ состояніи умереть такъ какъ и ея отецъ.

Госпожа Салисбури безпокоилась о слѣдствіи свиданія его съ Королемъ. Пришелъ нѣкій Лордъ, и сказалъ ей почтительнымъ образомъ: — Государыня моя, позвольте проводить васъ туда, куда высочайшія повелѣнія васъ призываютъ. Графиня смутилась, и подала трепещущи свою руку: она дѣлала многіе вопросы Лорду, которой

извинялся, что не можетъ удовольствовать ея любопытства: они прошли множество пространныхъ комнатъ; и наконецъ пришли къ дверямъ нѣкоей залы, которая разтворилась. Эдуардъ сидѣлъ на своемъ престолѣ, окруженный своими придворными, которые въ отличной милости у него находились, и которые всѣ имѣли на себѣ орденъ подвязки. Рибомондъ, котораго Король призвалъ опять къ себѣ, разговаривалъ съ нимъ тихо, когда взошла Госпожа Салисбури: Эдуардъ немѣдленно сошелъ съ трона, и подошедъ къ ней съ поспѣшностїю, простеръ свою руку, а другою возлагая корону на главу ея, говорилъ: грядите, Государыня моя, раздѣлить съ Самодержцемъ Англїи, и власть его, и жертвованїя его народа: будьте моею супругою, и Королевою; красота, любовь, добродѣтель призывали васъ на престолъ, а я возводя васъ на оный, исполняю мои желанїя и желанїя всѣхъ моихъ подданныхъ; они похвалятъ мой выборъ: оный достоинъ ихъ Государя; родитель вашъ свободенъ, и вы скоро его увидите; я заглажу тѣ неудовольствїя, которыя я ему

причинилъ. Государь, сказалъ Рибомондъ, красота сотворена, чтобъ царствовать: она есть первая наша Владычица.

Госпожа Салисбури, изумленная симъ толь не ожидаемымъ приключенїемъ, только могла выговорить нѣсколько худо произнесенныхъ словъ: — Государь . . . тронъ не есть мое мѣсто . . . но Принцессы Генегавской . . . Такъ, она должна возсѣсть на ономъ, сказалъ Лордъ Варукцїй, входя съ стремленїемъ. Государь, что я слышалъ? . . . дочь моя . . . что я вижу? корона на ея главѣ! и за сїю то цѣну возвращаютъ мнѣ свободу! пусть отведутъ меня опять въ темницу. Послушай, Милордъ, прервалъ Эдуардъ, развѣ я недовольно далъ тебѣ уразумѣть, колико твоя дочь была любезна моему сердцу? я вручаю ей мою руку, и дѣлаю ее Королевою, а ты уже ли будешь противиться еще сей любви, которая жизнь мою прїятною содѣлаетъ! Какъ! дочь моя, сказалъ Варукцїй, неужли ты согласишься, чтобъ Государь нашъ сдѣлалъ тебя равною себѣ! неужли ты будешъ хищницею престола, на которомъ небо

быть тебѣ не опредѣлило! неужли Король учиниться вѣроломнымъ въ своемъ обѣщанiи! и неужли Принцесса, наименованная его супругою всею Европою, будетъ принесена тебѣ въ жертву! . . . Куда же дѣвалась, Аликса, добродѣтель, воскликнулъ сей почтенный старикъ, проливая горькiя слезы? развѣ она не достойна того, чтобъ жертвовать ей престолами, своимъ сердцемъ. . . . Разумѣешь ли ты меня; будь моею дочерью; пади къ ногамъ Королевскимъ; сложи у нихъ сiю корону, а естьли ты не можешь повиноваться твоему долгу . . . умри . . . и я самъ тебѣ покажу примѣръ.

Варукцiй выхватилъ кинжалъ: — Государь, вотъ средство противъ всѣхъ золъ; естьли бы дочь моя была причастна безчестной слабости, то я обьявляю вашему Величеству, что я исторгнулъ бы жизнь ея симъ же самымъ кинжаломъ, которой вы видите, и которой взятъ былъ мною въ темницу. Кто имѣетъ таковое оружiе при себѣ, тотъ не страшиться ни несчастiй, ни палачей . . . Ну! Аликса,

рѣшись: ежели ты осмѣлишься носить корону, то я самъ себя пронжу тысячью ударами у ногъ Королевскихъ. Эдуардъ встревожился: — Что онъ говоритъ? . . . остановите . . . вырвите у него сіе желѣзо. — Не подходите ни кто, или я себя поражу . . . Уже кинжалъ наставленъ въ мое сердце; дайте мнѣ, Государь, ваше Королевское слово, что дочь моя не будетъ вашею супругою, пока ваше Величество меня не выслушаете, и тогда я самъ его брошу . . . вы колеблетесь! . . . Великодушный Французъ (обратясь къ Рибомонду) соедините ваши прозьбы съ моими, и да окажетъ мнѣ Король сію милость. Чего ты требуешь, свирѣпой, отвѣтствовалъ Эдуардъ? . . . ну! я обѣщаю тебя выслушать, представь же, чего стоитъ моему сердцу сія жертва, которую я тебѣ дѣлаю! Но я не хочу, чтобъ смерть отца моей любезной, обагрила кровію минуты исполненныя прелести; заботясь о сохраненіи дней твоихъ, я угождаю владычицѣ души моей; и какъ я долженъ исполнить свое обѣщаніе, то отложу сей бракъ на нѣсколько минутъ; но помни,

что я на весьма коропікое время связанъ моимъ словомъ; не надѣйся; сердце мое не премѣнится, и прекрасная Аликса непремѣнно будетъ Аглинскою и Эдуардовою Королевою.

Варукцій бросилъ кинжалъ: — Государь, я доволенъ; ваше Величество меня выслушаетъ; и я увѣренъ, что Эдуардъ будетъ достойнымъ нашимъ Монархомъ. О небо! возопилъ Король, что я вижу? Госпожа Салисбури лишилась употребленія чувствъ! ахъ! варваръ, вотъ что ты надѣлалъ! . . . я ничего не обѣщалъ . . . откройте свои очи, обожаемая Салисбури; твой любовникъ неслушаетъ ничего инаго, кромѣ своея любви; онъ поведетъ тебя къ олтарю; и ты будешь царствовать надъ Англїею и надо мною; эхъ! почто я немогу вручить тебѣ владычества надъ цѣлымъ свѣтомъ? приди, приди въ себя, дражайшая Аликса.

Госпожа Салисбури устремила умирающїе свои взоры на Самодержца: — Государь, позвольте, чтобъ я удалилась на нѣсколько минутъ. — Нѣтъ, вы меня неоставите. — Единой сей

милости, Государь, отъ васъ требую, и ожидаю . . . отъ нѣжной вашей любви. Родитель мой, не бойтесь ничего: дочь ваша не премѣниться.

Госпожа Салисбури отведена была почти мертвою: Эдуардъ остался съ Варукцїемъ и Рибомондомъ. Втуне ты, говорилъ онъ, первому, противишься моему благополучїю! я не послушаю тебя, и сегодни же обвѣнчаюся съ твоею дочерью. Добродѣтельный Рибомондъ, воскликнулъ Лордъ, возвратите мнѣ моего Государя, героя, долженствующаго служить образцомъ прочимъ Государямъ и всѣмъ смертнымъ; честь ваша мнѣ порукою, что ваши совѣты не будутъ разнствовать отъ моихъ: и пусть припишутъ вамъ ту славу, что вы были благодѣтелемъ Аглинской нацїи. Государь, вы зрите меня у ногъ вашихъ; такъ, Варукцїй, умретъ здѣсь, естьли вы несогласитесь пожертвовать всемъ страсти, за которою бы послѣдовало раскаянїе; я вторично вамъ объявляю, вотъ моя толова; лишайте меня жизни прежде, нежели дочь моя будетъ носить имя вашей супруги. Развѣ вы

забыли, Государь, что вы Король, что я вашъ подданный, что Аликса не такого произхожденія, чтобъ быть на престолѣ, что вы обязалися, нѣкоторымъ образомъ, клятвою въ разсужденіи Принцессы Генегавской; что вы должны отвѣтствовать за ваше поведеніе, за самомалѣйшія ваши дѣянія Англіи и всей вселенной, что Самодержецъ же приготовляется везти къ вамъ свою дочь, что любовь . . . о Повелитель мой, вы меня выслушаете, и кто же, какъ не ваше Величество, должны отдать мнѣ справедливость? Ежелибъ я только помышлялъ о беззаконномъ честолюбіи и о своихъ пользахъ; то бы не пропустилъ сего случая, которой положилъ бы предѣлъ вашимъ милостямъ; ибо коль скоро бы моя дочь сдѣлалась Королевою, я увидѣлъ бы все, что меня ни окружаетъ, у ногъ своихъ: но, Государь, я вѣдаю другую благороднѣйшую и достойнѣйшую васъ и меня гордость, а именно: исполнить долгъ свой, и я оный исполняю, умирая здѣсь, паче нежели снести, чтобъ дочь моя была вашею супругою; такъ, Государь, вы не иначе поведете ее къ олтарю, какъ

по моему растерзанному тѣлу; въ одинъ день будетъ и ея бракосочетанїе и мои похороны; народъ не будетъ имѣть причины меня порицать . . . уничиженїемъ своего Государя . . . единой только Принцессѣ надлежитъ раздѣлять съ вами престолъ вашь. Государь, прервалъ Рыцарь, позволите ли мнѣ присоединить гласъ мой ко гласу сего добродѣтельнаго Агличанина? онъ искренно вамъ говоритъ. Подлинно Госпожа Салисбури достойна всѣхъ почестей должныхъ красавицѣ; и я готовъ сражатся для подтвержденїя сей похвалы: но я разсуждаю такъ, какъ и Милордъ, что сей союзъ обезчестилъ бы ваше Величество, и я совершенно увѣренъ, что его дочь одинаковыхъ съ нимъ мыслей; она весьма добродѣтельна, и не можетъ простерть своихъ желанїй столь далеко, чтобъ стала домогаться короны. Королева ваша родительница, уже опредѣлила вашь бракъ съ Принцессою Генегавскою, и честь того требуетъ; хотя прискорбно обуздывать такимъ образомъ по неволѣ свои склонности: но, Государь, вы Рыцарь, вы Король, и сїю по-

бѣду . . . Эдуардъ долженъ одержать. — Никогда, никогда того не будетъ! Я обожаю Госпожу Салисбури, и она будетъ Королевою Аглинскою. Варукцій заливаясь слезами: — Увы! Государь, и такъ я дожилъ до того, чтобъ быть виновникомъ вашей не справедливости, и низшествія вашего съ высочайшаго сана! не подумаетъ ли Графъ Генегавскій, и весь свѣтъ, что я, ослѣпясь блескомъ величества, измѣнилъ моему долгу, и употребилъ хитрость и подлость, чтобъ служить честолюбію моей дочери? и повѣритъ ли кто нибудь, чтобъ она могла иначе достигнуть . . . развѣ льститесь вы, Государь, что она не будетъ имѣть столько твердости, сколько ея отецъ? Хотя бы Госпожа Салисбури и чувствительна была къ вашей любви, и любила васъ; но она не приметъ ни титула вашей супруги, ни дара вашего скипетра. Государь . . , вы обоихъ насъ погубите.

Эдуардъ подверженъ былъ самому жесточайшему волненію; онъ то кричалъ, то рыдалъ въ обьятіяхъ Рибомонда. Слезы сіи, говорилъ Варукцій,

обнимая Королевскія колѣна, возвѣщаютъ мнѣ, что душа ваша смягчивается, и что гласъ истинны въ ней услышился . . . она способна, сія благородная душа, къ самому геройческому усилію. О Повелитель мой! коль пріятно для меня видѣть текущія изъ очей вашихъ слезы! не отвергните и моихъ; я говорю вашему сердцу, сердцу великодушному; вы видѣте, что единыя токмо ваши пользы меня одушевляютъ; я не изъ числа придворныхъ льстецовъ, но отецъ: я есмь подданный вашъ, и самый усерднѣйшій изъ нихъ . . . нѣтъ, великій человѣкъ, вы недопустите обладать собою сей терзающей васъ любви; вы не будете любовникомъ, но Монархомъ. Эхъ! чего вы хотите отъ меня, говорилъ Эдуардъ? . . . немилосердые! . . . нельзя мнѣ . . . нельзя мнѣ . . . Варукцій, Рибомондъ . . . встрѣчаются минуты . . . оставте меня . . . все соединяется пронзить мое сердце.

Придворные удалились, и только остались отецъ Госпожи Салисбури и Французскій рыцарь. Никогда Эдуардъ не оказывалъ толь великой горячно-

спи: онъ то прохаживался скорыми шагами, то возводилъ очи свои на небо; то приходилъ въ неистовство, и родъ рыканїй излетали изъ устъ его; то опять бросался въ кресла, и орошалъ землю источниками слезъ. Варукцїй безпрестанно повергался къ ногамъ его, и иногда сей Государь съ сердцемъ его отталкивалъ. Мятущїяся страсти волновали сїю душу, въ которой любовь толико усилилась; онъ безпрестанно повторялъ: неужли должно пожертвовать сею склонностїю! . . . неужли потушить ее! и сочетаться съ другою, когда я сгараю. . . .

Цѣлой день почти протекъ въ сихъ ужасныхъ сраженїяхъ, терзавшихъ Монархово сердце: ему принесли письмо; онъ поспѣшно его распечаталъ: — Она ко мнѣ пишетъ! посмотримъ, прочтемъ (читаетъ въ слухъ.)

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ,

„Жилище, изъ котораго я пишу къ „вашему Величеству, довольно пока„зываетъ новую мою судьбину; уже

,,въ духовномъ уединенїи проливаю я
,,мои слезы, и орошаю ими сїю бума-
,,гу: увы! источникъ ихъ есть неиз-
,,черпаемъ. Не подумайте, что я со-
,,жалѣю о томъ высокомъ достоинст-
,,вѣ, на которое вы меня возвести
,,намѣрены были: нѣтъ, Государь, не
,,лишенїе престола причиною слезъ
,,моихъ: познайте меня, и покажемъ
,,взаимный примѣръ наивеличайшей
,,жертвы. Лестно было для меня, Го-
,,сударь, что я внушила въ васъ нѣ-
,,которую склонность: вѣдайте же,
,,чемъ я жертвую: сердце мое за дол-
,,гое время предъупредило ваше; да
,,простятъ мнѣ сїе признанїе, въ пос-
,,лѣднїй разъ изъ устъ моихъ выле-
,,тающее. Я васъ любила, Государь,
,,и люблю; судите же о моихъ муче-
,,нїяхъ! и любовь сїя только съ жиз-
,,нїю моею окончиться. Но, когда
,,я вамъ говорю о моей нѣжности,
,,то надобно, чтобъ я представи-
,,ла вамъ и сїю непреклонную доб-
,,родѣтель, долженствующую пред-
,,писать намъ обѣимъ законы, отъ
,,которыхъ не возможно намъ удалят-
,,ся; Англїя, самъ родитель мой,
,,справедливость, слава ваша и пользы

„ваши требуютъ, чтобъ корона воз-
„ложена была на главу Принцессы Ге-
„негавской: вы должны, Государь, ихъ
„удовлетворить. По семъ, какое же
„изрѣку я слово! я отрицаюсь отъ
„вашей руки, отъ вашего сердца, и
„отъ всего на вѣки, честь утвердила
„мою клятву, и мой приговоръ непре-
„мѣненъ. А естьли вы, Государь, бу-
„дете тому противиться, то самаго
„Бога поставляю между вами и мною:
„я обязываюся служить олтарямъ;
„неужли разрушите вы сїю священ-
„ную преграду? Да не безпокоиться о
„мнѣ, Милордъ Варукцїй; я ожидаю
„отъ вашего правосудїя, что вы ему
„возвратите вашу довѣренность. Мы
„все трое исполнимъ нашъ долгъ: вы,
„Государь, восторжествовавъ надъ лю-
„бовїю, которая на всегда пребудетъ
„для меня драгоцѣнна, и возводя на
„тронъ Принцессу Генегавскую, дол-
„женствующую раздѣлять оный съ ва-
„ми; а я отрѣкаясь отъ сего же са-
„маго трона, и возбраняя себѣ даже
„имѣть и то удовольствїе, чтобъ
„васъ видѣть, когда сердце мое . . .
„престанемъ обращаться къ сему чув-
„ствованїю; родитель мой показывалъ

„себя достойнымъ вашимъ подданнымъ; „онъ жертвуетъ своею дочерью вашей „славѣ и обществу; я ему подражаю, „и есмь жертва самой себя. Государь, „да не приводитъ васъ любовь въ сїи „мѣста; развѣ не довольно того, что „я связала себя узами, кои не должны „вы разрывать? чтожь больше вамъ „сказать? вы вонзите кинжалъ во „грудь мою. Сочетайтесь бракомъ съ „Принцессою; будьте образцомъ Госу„дарей: а я до послѣдняго дыханїя „буду чинить обѣты о царствованїи, „обѣщающемъ толико славы моему „отечеству. Прощайте, Государь, со„жалѣйте о мнѣ, но да невидимся „другъ съ другомъ... я отъ всего въ „состоянїи себя разрѣшить, изключая „васъ забыть... Что я сказала, нес„частная? черты ваши будутъ толь„ко усугублять мои страданїя; но, „Государь, злоключенїя мои мнѣ бу„дутъ прїятны. Надобно положить „перо; въ чемъ же состоитъ моя на„дѣжда? я ожидаю здѣсь моего роди„теля; мнѣ нужно его присутствїе; „доволенъ ли онъ будетъ моею твер„достїю„?

Графиня Салисбурская.

Чтеніе сего письма изнурило Эдуарда; онъ вышелъ изъ сего рода безпечности. — Какъ! дочь твоя меня любила! и я былъ любимъ всемъ тѣмъ, что ни обожалъ!... нѣтъ! Госпожа Салисбури ни гдѣ отъ меня не скроется; напрасно... я исторгну ее отъ самыхъ олтарей.

Варукцій не переставалъ обнимать Королевскія колѣна, омывать ихъ своими слезами, и представлять ему дочь свою не поколебимою въ своемъ намѣреніи. Рибомондъ подкрѣплялъ представленія сего великодушнаго старика, заклиналъ Монарха покориться гласу его славы, представлялъ ему всю важность сей жертвы, и вооружалъ его гордостію противъ любви. Эхъ! коликую власть имѣетъ сія главная страсть надъ сердцемъ человѣческимъ! Госпожа Салисбури сама старалась истребить свои черты толь глубоко впечатленныя въ душѣ Эдуардовой: она безпрестанно писала къ нему письма, и предмѣтъ оныхъ клонился къ тому, что бы возвратить Короля къ торжеству Самодержца надъ Любовникомъ. Наконецъ Монархъ одержалъ сію

побѣду: по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, Эдуардъ рѣшился сочетаться бракомъ съ Принцессою Генегавскою; она прибыла съ своимъ отцемъ въ Лондонъ; и все къ брачному торжеству приготовлено было. Король, въ ту минуту, какъ онъ шествовалъ къ олтарю, велѣлъ приближиться къ себѣ Варукцію и Рибомонду, и приказалъ своимъ придворнымъ удалится; онъ бросился въ ихъ обьятія, и прижималъ ихъ къ своему сердцу: — Ну! друзья мои, не довольно ли Эдуардъ дѣлаетъ для своей славы? Варукцій, я обожаю твою дочь болѣе нежели когда либо ее обожалъ, а сочетаюсь бракомъ съ Принцессою Генегавскою. Я возвращаю тебѣ прежнее твое досшоинство; будь моимъ другомъ, моимъ отцемъ и примѣромъ моихъ подданныхъ; я уже довольно видѣлъ, сколько ты меня любилъ! А ты, великодушный Французъ, возвратись въ свое отечество, и будь увѣренъ въ моей благодарности: ты показалъ глазамъ моимъ истинну, и обратилъ меня къ моему величію и долгу; и я не примину выхвалять тебя при всякомъ случаѣ какъ наидостой-

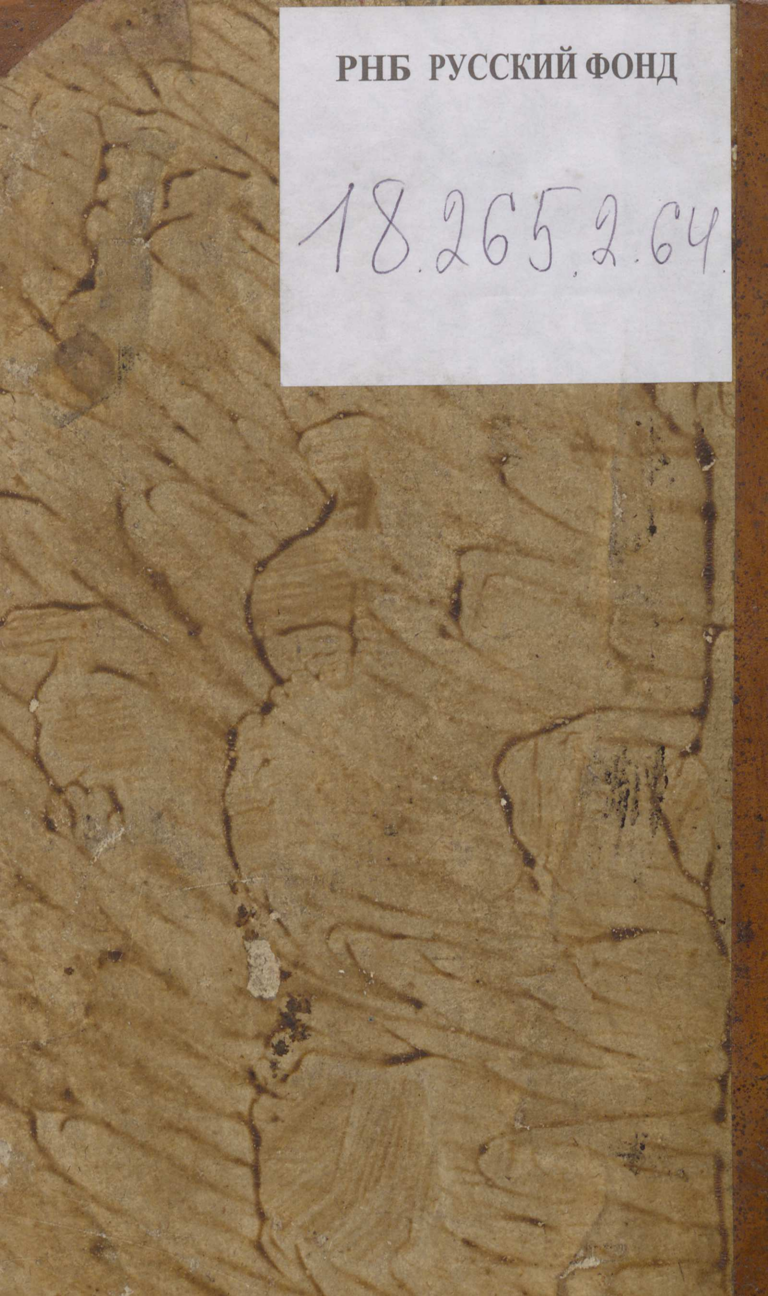
нѣйшаго мнѣ извѣстнаго рыцаря. Варукцїй, скажи твоей дочери, что она всегда мнѣ любезна будетъ, и что когда бы почтенїе могло обуздать любовь, то я желалъ бы, чтобъ она возвратилась въ сїи мѣста, получить должное добродѣтели награжденїе.

Варукцїй ни чего не отвѣчалъ своему Государю, какъ только схвативши одну его руку, цѣловалъ ее съ восторгомъ, и орошалъ своими слезами; Рибомондъ же, преисполненный благороднымъ энтузїасмомъ, началъ говорить: — Государь, естьли бы возможно было имѣть двухъ Государей, то я раздѣлилъ бы мои услуги между вами и Королемъ Французскимъ; по семъ, какой же Самодержецъ имѣетъ болѣе права на мою приверженность, какъ не Эдуардъ? Когда должность моя мнѣ позволитъ, я прїѣду служить подъ вашими знаменами, и почерпать отъ васъ примѣры величїя души и храбрости. И ежели вы будете воевать съ нами, вы увидите меня сражающагося съ вами, но васъ почитающаго, и всегда готоваго повергнуть мечь свой къ ногамъ вашимъ,

когда честь моя и Король мой тому препятствовать не будутъ.

Эдуардъ горя желанїемъ показать своей добродѣтельной любовницѣ блистательный опытъ своея любви, возобновилъ на своемъ бракѣ установленїе ордена Подвязки; изъ первыхъ Кавалеровъ сего ордена былъ Рибомондъ; Самодержецъ присоединилъ къ симъ знакамъ своей милости свой портретъ осыпанной алмазами. Варукцїй пользовался наивысочайшею милостїю. Естьли добродѣтель была награждена, то порокъ не остался безъ наказанїя: Труссель посланъ былъ въ ссылку, и принужденъ былъ въ оной кончить дни свои; Госпожа же Салисбури въ послѣдствїи опять прїѣхала ко Двору, чтобъ быть прїятельницею Королевы, и до самаго послѣдняго дыханїя, была она предметомъ почтительной страсти наивеличайшаго человѣка возсѣдавшаго на престолѣ Аглинскомъ.

КОНЕЦЪ.

РНБ РУССКИЙ ФОНД
18.265.2.64